

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 3

1910

А. П. Чеховъ среди родныхъ и знакомыхъ.

МОСКВА

Воскресенье 17-го января 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

16-го янв. 1-я гастроль С. И. Друзякиной „ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“. 17-го янв. утр. „МАЙСКАЯ НОЧЬ“. 18-го янв. съ уч. С. И. Друзякиной „АИДА“.

19-го января съ участіемъ В. Люце „ТРАВИАТА“. 20-го января „МАЙСКАЯ НОЧЬ“. 21-го января „ЗАЗА“.

Начало спект. въ 8 ч. вечера. ☼ Билеты продают. съ 10 ч. утра до оконч. спектакля.

Дирекція С. И. Зимина.

ТЕАТРЪ

Въ субботу 16-го января

„ЭРМИТАЖЪ“ „НА ПОЛЮСЪ“.

ДИРЕКЦІЯ

М. М. Брянской и Я. В. Щукина.

ОПЕРЕТТА

подъ управ. А. А. Брянскаго.

Новый 4-й актъ „Въ сумасшедшемъ домѣ“. 17-го января „ТАЙНЫ ГАРЕМА“. 18-го января „НА ПОЛЮСЪ“. 19-го января „ТАЙНЫ! ГАРЕМА“. 20-го января „НА ПОЛЮСЪ“.

КАЗИНО
Тел. 221-73
Б. ДМИТРОВКА,
БЫВШЕЕ ПОМЪЩ.
КУПЕЧЕСКАГО
КЛУБА.

16-го января

грандіозный МАСКАРАДЪ „Ночь веселья“.

Г-жа Сѣверская и Бобъ Гопкинсъ. 5 ГРЕБНІЕВЪ 5. Стася Обербэкъ, Ла-Бланка, Анжела Леско, Терка Земмель, гг. Славины, г. Алешинъ, исп. цыг. ром. Шеронина, Баккара, Беране и мн. др. American Bar. Cabaretconcert. Весел. корсиканцы. Начало въ 10 ч. вечера. Безпрерывн. увесел. всю ночь. Ужинъ изъ 3-хъ блюдовъ 1 р. 50 к.

Гл. кап. М. Штольцъ. Режис. М. Зиберовъ. Гл. режис. П. Волгинъ.

АВТО-МУЗЫКА

— А. БЕРГМАНЪ. —

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПІАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПІАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ. —

— АППАРАТЫ для ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ НОТЪ. —

Принимаются піанино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

— Главное представительство новыхъ механическихъ піанино „VIRTUOS“. —

Готовится къ печати

„НА ПОЛЮСЪ“.

Сатира-обозрѣніе въ 4-хъ д.

Г. Редера и Л. Московскаго.

А. П. Чеховъ (1860 г. 17 Января 1910). *Н. Шкляра.*—Чеховъ и его тоска. *В. А. Хавкина.*—Чеховъ и Таганрогъ *Г. М.-ча.*—Искусство и реакція. *Л. Д. Теплицкаго.*—Царевна Динь. *С. Р.*—Москва.—Петербургъ.—Мелочи театральной жизни.—Письма въ редакцію.—Письма изъ Кіева *Я. Майскаго.*—Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: А. П. Чеховъ, К. С. Станиславскій, О. Л. Книпперъ и С. С. Мамонтовъ въ Нарѣ лѣтомъ 1903 г. (2 группы).—Спальня А. П. Чехова.—Библиотека имени А. П. Чехова въ Таганрогѣ.—Старая Москва *Б. Боголюбова.*—Театръ Незлобина. У Царевны Динь.—В. В. Люце.—Е. В. Гельцеръ. Шаржъ О.—В. В. Лужскій. Эск. О.—Мелкій Бѣсъ. Декорація 2 акта *Андріяшева.*—Бѣлгородскій въ роли Передонова. Рис. В. Татищева.—Г. Нероновъ въ роли Передонова. Шаржъ *Малютина.*—Г-жа Васильева—Варвара. Шаржъ *Малютина.*—„Ивановъ“ въ Введ. нир. домъ.—А. І. Крамовъ.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, С. Бирюковъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, І. І. Колышко, А. И. Косоротовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Ликиардопуло, Лоло, Лозн-гринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, М. Шикъ, И. О. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Андре, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

А. П. Чеховъ.

(1860 г.—17 января.—1910 г.)

I.

И больно сознавать, что лучшихъ изъ сыновъ
У родины какъ кладъ съѣшить украсть могла...

Только 50 лѣтъ тому назадъ въ г. Таганрогѣ родился Чеховъ. И вотъ уже больше пяти лѣтъ, какъ Москва, и Россія похоронили его. Онъ умеръ на 45-мъ году жизни и его литературная работа продолжалась менѣе 25 лѣтъ... Могила слишкомъ ранняя... Пѣсня, оборвавшаяся безвременно... Кому же по жестокому сарказму судьбы это присуще всего болѣе, какъ не русскому писателю?..

Но на протяженіе 44 лѣтъ жизнь Антона Павловича Чехова развернулась такъ богато, такъ прекрасно и прошла такую изумительно-выразительную дорогу...

Развѣ не чудесно-выразителенъ для таланта Чехова и нашей русской жизни этотъ пройденный писателемъ путь—отъ искрометнаго, сверкающаго смѣха до щемящей грусти и тоски неутолимой?

А его заразительный талантъ, волшебными нитями творческой власти приобщившій насъ къ его молодому смѣху, приобщилъ насъ потомъ и къ его глубокой, рѣзкой печали, и къ его тоскѣ о лучшемъ, прекрасномъ будущемъ и къ свѣтлому сіянію,—увы!—еще такому далекому, его чудесныхъ предвидѣній.

Чеховъ начинаетъ свою работу, почти шутя. Изъ своихъ первыхъ рассказовъ онъ не помнитъ ни одного, который писалъ бы болѣе сутокъ. „А „Егерь“,—пишетъ онъ Григоровичу,—который Вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ“.

Веселый духъ Чехова, его чисто народный шутиливый тонъ въ интимномъ кружкѣ не оставляли Чехова и въ самые тяжелые для него періоды жизни. Даже въ послѣднее время, когда проклятый недугъ замѣтно уже совершалъ надъ нимъ свою разрушительную работу, Чеховъ все-таки не могъ иногда не поддаться потребности шутки.

Но на его жизнерадостный несмотря ни на что духъ падала громадная тѣнь глубоко сумрачной эпохи. И послѣ первыхъ произведеній, сверкающихъ неудар-

жимымъ смѣхомъ, „Сказокъ Мельпомены“ и „Пестрыхъ рассказовъ“, относящихся къ первому періоду его писательства, появляются сборники съ весьма характерными названіями: „Въ сумеркахъ“, „Хмурые люди“, потомъ „Скучная исторія“, а затѣмъ въ „Русской Мысли“—„Палата № 6“,—произведеніе весьма характерное для второго періода въ жизни писателя.

Чеховъ, еще такъ недавно подходившій ко всему въ жизни съ беззаботнымъ веселымъ смѣхомъ, взглянулъ глубоко въ самые глаза жизни и почувствовалъ ужасъ, щемящую грусть и неутолимую тоску. И въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ, упрочившихъ славу писателя, въ блестящемъ художникѣ все болѣе и болѣе раскрывается мыслитель-идеалистъ, прекрасно сознающій всю безпросвѣтность русской жизни и мучительно тоскующій о лучшемъ будущемъ. Эта тоска о прекрасномъ будущемъ горитъ все ярче и, наконецъ, разгорается въ глубокую, почти мистическую вѣру въ наступленіе лучшей жизни,—„когда все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнить собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою какъ ласка“.

Эта вѣра—мистическая по той красотѣ и силѣ, съ которой она выражается, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеалы ея исполнѣ реальны; это вѣра въ силу и значеніе человѣческаго труда, общественной работы надъ устройствомъ жизни, вѣра въ смыслъ и значеніе общекультурныхъ задачъ.

Этой вѣрой и надеждой на лучшее будущее обвѣяны послѣднія произведенія Чехова и особенно драмы послѣднихъ годовъ.—Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой развѣдающей и острой и всегда поэтической, эта надежда охватитъ, какъ куполы церквей дальняго города, едва видные сквозь знойную пыль и душливый туманъ труднаго пути. И надъ всѣмъ царитъ меланхолическое сознаніе:

Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ ни тебѣ ¹⁾.

¹⁾ Короленко.

А. П. Чеховъ, О. Л. Книпперъ и К. С. Станиславскій въ Нарѣ лѣтомъ 1903 г.

Но это сознаніе не должно парализовать работы настоящего. Человѣкъ живетъ не только для себя, а и для другихъ грядущихъ поколѣній, и, когда наступитъ миръ и счастье, „тогда помянутъ, добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь“. Пусть вырубаютъ „вишневые сады“, пусть рушатся ненужныя, хотя и красивыя перегородки, пусть открываются новыя, прекрасныя дали... „Вся Россія—нашъ садъ“—говоритъ Трофимовъ, и этому саду нужны новыя могучія насаждения... Это—последній прекрасный вздохъ о лучшемъ будущемъ, последняя прекрасная слеза о неустойчивости и печали настоящего.

А сколько слезъ осталось невыплаканными и сколько надеждъ не нашли своего слова...

Последній взрывъ болѣзни... Баденвейлеръ... Твердая надежда поправиться: „здоровье входитъ въ меня пудами“... И вдругъ, памятное 2 іюля 1904 года... „Ich sterbe“... Пульсъ становился все тише... Умиравшій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,—и безъ вдоха, безъ видимаго внѣшняго знака жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна; надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями“ (Г. Б. Юлосъ). Потомъ последнее прощаніе въ Москвѣ. И могила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ подъ густой, тѣнистой, только что зацвѣтшей липой...

Прошло пять лѣтъ, въ нашей жизни произошло столько событій, которыя могли бы, казалось, круто повернуть колесо исторіи...

И гдѣ же новыя „вишневые сады“, гдѣ прекрасныя насаждения, которыя, казалось, должны бы были зазеленѣть въ садахъ „обновленной“ русской жизни?.. Чертополохъ, бурьянъ, лопухъ—всѣ сорныя травы разрослись на нивахъ русской жизни и вытоптаны на нихъ послѣдніе цвѣты...

Страшны стали свѣтлыя, просторныя зданія, пред-

назначенныя для творческой, устривающей жизнь мысли, потому, что оттуда изгнана мысль...

Шуты и арлекины ходятъ на рукахъ и гремятъ погремушками, скользкія пресмыкающіяся ползаютъ подъ ихъ ногами. Въ страшномъ общественномъ развалѣ растетъ волна отчаянія, количество самоубійствъ выросло до небывалыхъ цифръ, людское озвѣреніе приняло поистинѣ чудовищныя формы. Темныя, страшныя силы вышли изъ подземелій русской жизни и справляютъ черную мессу. И надъ всѣмъ стоитъ трагическая „пинкертоновщина“ русской жизни, и дико хохочетъ и мелькаетъ тамъ и сямъ смрадная и неуловимая „недотыкомка“—азефовщина смѣшиваетъ всѣ карты жизни, и не даетъ распознать, гдѣ друзья и гдѣ враги...

О, милый сердцу, безвременно ушедшій! Какъ хочется прильнуть къ чистымъ источникамъ твоего прекраснаго творчества, удержать уходящую вѣру въ лучшее будущее и вѣрить, что окончится когда-нибудь черная месса темныхъ силъ и начнется лучшая, свѣтлая, если и не прекрасная, то хотя бы просто человѣческая жизнь!..

Н. Шкляръ. *)

II.

Чеховъ и его тоска.

Долгими зимними сумерками въ темной залѣ, гдѣ скользятъ только бѣглые лучи свѣта съ улицы и тишину которой нарушаютъ только смутные отголоски уличной суеты, хочется думать о Чеховѣ. Его ушедшій въ непроглядную даль образъ, словно тутъ, близко, и шепчетъ ласковыя слова. Пѣвецъ тоскующей души—онъ угадалъ грусть этихъ сумерокъ и отзывается на нее всѣмъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ сердцемъ. Сумеречные, почти незамѣтные люди съ ихъ сумеречными печальми,—какъ зналъ ихъ Чеховъ! Едва ли не онъ первый показалъ трагедію души, которая не выливается наружу въ крикахъ и рыданіяхъ, а таится глубоко внутри, долго надрыываетъ человѣка и только иногда подъ конецъ разражается бурей оскорбленныхъ надеждъ и вѣрованій. Чеховскіе герои носятъ въ себѣ невыразимую муку и тоску, порой прямо задыхаются отъ отчаянія, но... посмотрѣть на нихъ! Съ перваго взгляда почти нѣтъ призаковъ переживаемой драмы. Они какъ будто живутъ достаточно ровно и спокойно. У нихъ извѣстное общественное положеніе, друзья, семья и

*) Въ этой статьѣ на первой страницѣ замѣчены слѣдующія опечатки: 1 кол. 18 стр. снизу напечатано: „рѣзкой“ слѣдуетъ читать: „бѣлой“; 2 кол. 18 стр. снизу напечатано: „охватить“ слѣдуетъ читать: „сквозить“.

А. П. Чеховъ, О. Л. Книпперъ, К. С. Станиславскій, С. С. Мамонтовъ въ Нарѣ лѣтомъ 1903 г.

проч. Все какъ слѣдуетъ, и, казалось бы, жизнь должна катиться по гладкимъ рельсамъ до своего естественнаго конца. Но въ томъ-то и весь ужасъ такъ мучительно ярко нарисованной Чеховымъ дѣйствительности, что эта плавная, гладкая жизнь является въ сущности агоніей надорванной души.

Но раньше чѣмъ проникнуть въ тайники этой трагедіи надрыва и тоски, Чеховъ прошелъ промежуточный путь, на первый взглядъ ничего общаго не имѣвшій съ его послѣдующимъ творчествомъ. Какъ извѣстно, Чеховъ началъ юмористикой во вкусѣ „Будильника“, „Стрекозы“ и проч. Началъ легкимъ, порой легкомысленнымъ смѣхомъ по адресу всѣхъ и вся. Весело, заразительно, до упаду хохоталъ. При всемъ желаніи въ этихъ юмористическихъ вещичкахъ равнаго періода нельзя усмотрѣть, какъ это, однако, пытаются дѣлать нѣкоторые, того налета грусти и меланхолии, который бы ихъ соединилъ родственной связью съ позднѣйшимъ чеховскимъ настроеніемъ. И такъ, Чеховъ началъ пустымъ поверхностнымъ смѣхомъ, смѣхомъ фарса или шаржа — все равно, какъ его ни называть. Нельзя навязывать этому смѣху никакихъ трагическихъ нотъ, но все-таки, оглядываясь на всю жизнь писателя, задаешься вопросомъ: что это былъ за смѣхъ?.. Онъ потѣшалъ имъ публику, но тѣшилъ ли себя?.. Люди, которые много и часто смѣются—полно, въ самомъ ли дѣлѣ въ такъ весело? Развѣ нѣтъ комическихъ актеровъ, которые выкидываютъ на сценѣ невѣроятные фокусы, но стоитъ имъ сбросить шутовской нарядъ и смыть румяна, какъ они становятся хмурыми, нахмуренными, съ червяками въ сердцѣ, настоящими чеховскими типами. Хотятъ ли по обязанности, по профессіи—о, къ этому очень и очень можно привыкнуть, какъ и ко всякому другому занятію. Но мало-помалу, Чеховъ неуловимо освобождался отъ этого паясничества, — неуловимо потому, что онъ какъ будто не переставалъ смѣяться, но самый смѣхъ дѣлался инымъ, съ налетомъ искреннихъ и только раньше затаенныхъ переживаній, съ нотками надрыва. И, наконецъ, смѣхъ обратился въ тотъ чеховскій юморъ, отъ котораго вѣетъ поистинѣ ужасомъ отчаянія. Бываетъ такой юморъ, такая нѣмая истерика души. Все истлѣло внутри—и нѣтъ силъ даже рыдать. И вотъ человекъ улыбается. Но какой улыбкой! Блѣдной, безкровной, какъ нѣчто придушенное, сжатое въ тискахъ. Улыбается даже передъ лицомъ самой гибели, которая уже его объяла своимъ ледянымъ дыханіемъ. Люди такъ подавлены, что даже не смѣютъ выражать своихъ страданій. Выражать страданія—это словно роскошь для немногихъ. Остальные улыбаются.

Вы помните смерть Иванова? Провинциальный свадебный балъ въ разгарѣ. Картина торжествующей пошлости. Женихъ, уже отравленный ядомъ смерти, принимаетъ съ безпечно блуждающей улыбкой поздравленія. Звенятъ бокалы шампанскаго. Суетится праздная толпа кумушекъ. И вдругъ это сухое, короткое, прощальное „оставьте меня“, сухой трескъ выстрѣла—и нѣтъ Иванова, только что улыбавагося и своей роли счастливаго новобрачнаго... Такова эта улыбка, эта улыбающаяся гримаса смерти. Она долго кривила и черты самого Чехова. Но позвольте отмѣтить одну удивительно трогательную черту.

Скорбный меланхоликъ въ послѣдній періодъ своей жизни—онъ, по мѣрѣ того, какъ смертельный недугъ подтачиваетъ его силы, какъ бы свѣтлѣетъ душой и, наперекоръ злой болѣзни, рвется въ розовую высь. На порогѣ могилы раздается его голосъ — попрежнему скорбный, но сквозь печаль и сумракъ дѣйствительности звенящій чистой надеждой на какой-то радостный лучъ впереди. Умирающій—онъ словно заглядываетъ въ ту даль будущаго, которая закрыта непроницаемой завѣсой отъ живущаго, и видитъ въ ней свѣтлыя умилюющія картины. И самая смерть уже не рисуется ему костлявой безобразной старухой съ клюкой, а прелестной феей-освободительницей отъ всѣхъ тяготъ земли.

Гдѣ же, однако, источникъ той трагедіи, душевнаго краха, холоднаго ужаса, разлагающаго все существо человека, который напелъ себя въ Чеховѣ такого потрясающаго изобразителя? Чеховъ ясно въ длинномъ рядѣ своихъ произведеній отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. *Тусклость, проза окружающаго, отсутствіе яркихъ красокъ, радостей, идеаловъ, однообразіе обстановки* — нотъ его грозный и безпощадный во всей своей правдивости отвѣтъ. За послѣдніе десятилѣтія въ удушливомъ смрадѣ потасли всѣ лучшія стремленія, все живое—живыя мысли, чувства, слова. Усталые, надорванные, мы отдавались подъ власть сѣрыхъ будней и теряли постепенно всякій высшій духовный интересъ къ жизни. Жизнь становилась нечѣмъ и не изъ-за чего. Вспомнимъ огромную галерею чеховскихъ изжившихъ себя героевъ, людей, у которыхъ духовная смерть значительно опередила физическую. Особенно ужасна картина безнадежно опустившейся интеллигенціи. Либо сухіе и скучные карьеристы, люди въ самыхъ разнообразныхъ футлярахъ, либо алкоголики, развратники, картежники, кутилы, либо, наконецъ, пытки, доживающіе свой нѣкъ въ безсильныхъ порывахъ къ чему-то даже для нихъ самихъ туманному, смут-

вому. И это даже на таких вершинах интеллигенции, которая, казалось бы, крепко-накрепко застрахована от полного нравственного распада. Возьмем, например, старого профессора в „Скучной истории“. Вся жизнь и деятельность его окружены были такой атмосферой науки и труда, что, оглядываясь на нее, можно было чувствовать только глубокое удовлетворение. И что же? Старый профессор, подводя итоги, приходит к заключению, что он делал совсем не то, что нужно, и совсем не так, как нужно. Фальшь была во всем. В его отношении к студентам, у которых он добивался популярности, в отношении к пациентам, которым он старался внушить веру в свой авторитет, в отношении к семье, которая его любила только как надежную опору для удобного и обеспеченного существования. Фальшь, фальшь!.. И когда старый профессор, сознавая это, хочет быть искренним, ему остается только сознать свое бессилие. Молодая, чистая женская душа спрашивает его, как жить. И, он, хмуро покачивая головой, признается: „не знаю“... Он, достигший,

бы у него вкусный, оснужающий. На глазах выступила влага, и уже к горлу подкатил ком, но... рядом стоял Шапкин, и Узелков устыдился малодушествовать при свиданьи. Он круто повернул назад и пошел к церкви.

Только часа два спустя, переговорив с старостой и осмотрев церковь, он уличил минутку, когда Шапкин заговорил с священником, и побжал плакать... Подкрался он к памятнику тайком, воровски, ежеминутно оглядываясь. Маленький, блый памятник глядел на него задумчиво, грустно и так невинно, словно под ним лежала девочка, а не распутная, разведенная жена.

Плакать, плакать! — думал Узелков.

Но момент для плача был уже упущен. Как ни мигали глазами старик, как ни настраивал себя, а слезы не текли и ком не подступал к горлу... Поставив минут десять, Узелков махнул рукой и пошел искать Шапкина.

Итак, полнейшая неспособность поддаваться искренним влечениям, в отсюда постепенное замирание всех сердечных струн. На что уж сильнее, ароматное, поэтическое чувство — любовь — и оно сплошь и рядом прямо пугает бессильных чеховских душ. В рассказе „Вечерок“ молодой статистик Огнев пугается, когда чудная девушка с тро-

Спальня А. П. Чехова в его ялтинской даче.

кажется, вершине общепризнанного благополучия!.. Что же после этого говорить о других? Все эти врач, которые с университетской скамьи не прочли в одной книге, адвокаты, по ошибке защищающие одного вместо другого, инженеры, производящие изобретения несуществующих полей, чиновники, играющие от зеленой скуки в карты, названные вместо тузов, королей и пр. по фамилиям своих начальников, земцы, протягивающие мужикам руку в перчатках, помещики, топящие собак, и пр. пр. — все это вакल्प безвременья, люд безспьной, безкрылой души. Муть будничной пошлости, в которую они погрязли по уши, давить их — и рано или поздно, но вступает момент, когда нарыв прорывается, и сознание бессмысленно проведенной жизни создает трагедию безысходного отчаяния. Что может быть ужасней бессилия души? Самые простые, самые обыкновенные движения сердца оказываются тогда уже недоступными. В чеховском рассказе старый архитектор Узелков („Старость“) случайно попадает в покинутый им еще в молодости родной город и узнает там, что случилось с его бывшей женой. Брошенная им, она низко опустилась в захолустье, где неоткуда было ждать даже слабого луча света, попала в руки негодиев, спилась и в горячке умерла. Узелков на мгновение отдался во власть прошлого... Очутившись на кладбище, полный дум о своей одинокой старости, он с тяжелым чувством стоял у женской могилы.

Ему вдруг захотелось плакать, страстно, как когда-то хотелось любви. И он чувствовал, что плач этот вышел

гательной искренностью первая признается в своем чистом чувстве.

— Я... я люблю вас!

Эти слова, простые и обыкновенные, были сказаны простым человеческим языком, но Огнев в сильном смущении отвернулся от Вэры, поднялся и вслэд за смущением почувствовал испуг.

Грусть, теплота и сентиментальное настроение, навѣянные на него прощанием и напивкой, вдруг исчезли, уступив место рзкому, неприятному чувству неловкости. Точно перевернулась в нем душа. Он косился на Вэру, и теперь она, после того, как, объяснившись ему в любви, сбросила с себя неприступность, казалась ему как будто ниже ростом, проще, темнее.

„Что же это такое?“ — ужаснулся он про себя. „Но ведь и же ее... люблю или нѣтъ. Вот задача-то!“

А она, когда самое главное и тяжелое, наконец, было сказано, дышала легко и свободно. Она тоже поднялась и, глядя прямо в лицо Ивану Алексѣевича, стала говорить быстро, неудержимо горячо.

Объясняясь в любви, Вэра была плѣнительно хороша, говорила красиво и страстно, но он испытывал не наслаждение, не жизненную радость, как бы хотел, а только чувство сострадания к Вэре, боль и сожаление, что из-за него страдает хороший человек. Бог его знает. Заговорил ли в нем книжный разум, или сказала неодолима привычка к объективности, которая так часто мѣшает людям жить, но только восторги и страдания Вэры казались ему приторными, несерьезными, и в то же время чувство возмущалось в нем и шептало, что все, что он видит и слышит с точки зрения природы и личного счастья, серьезнее всяких статистик, книг, истин... И он злился и

винилъ себя, хотя и не понималъ, въ чемъ именно заключается вина его.

Здѣсь необходимо еще коснуться женскихъ образовъ Чехова. Какъ тургеневскія, такъ и чеховскія героини отмѣчены особой печатью чистой, мечтательной поэзіи. Имъ особенно душно въ создавшейся вокругъ тяжелой атмосферѣ, онѣ съ особой страстностью ищутъ выхода, рвутся къ свѣту и простору. Иныя, впрочемъ, смиренно несутъ свой крестъ—и для этой красоты женскаго самоотверженія Чеховъ находитъ самыя трогательныя воплощенія. Иныя протестуютъ и даже падаютъ въ непосильной борьбѣ, и наши писатели дышатъ безграничной жалостью къ этимъ жертвамъ уродливыхъ условий жизни. Въ рассказѣ „Несчастье“ молодая женщина тщетно борется съ чертовой апатіей и полнымъ равнодушіемъ къ ея душевному міру, какое проявляетъ ся законный супругъ. Облѣнившемуся, живомъ заплывшему мужу нѣтъ никакого дѣла до того, какъ она томится пустотой и скукой, какъ она жаждетъ хоть какого-нибудь смысла и цѣли въ жизни. А искушеніе близко: молодой адвокатъ тутъ неотступно возлѣ... Она говоритъ зажигательныя рѣчи, онъ зоветъ ее куда-то. Самое ужасное—что она даже и не вѣритъ этимъ благороднымъ рѣчамъ, но и такъ жить, какъ прежде, ей не под силу. Она дѣлаетъ послѣднюю попытку остаться вѣрной женой и матерью, она прямо говоритъ обо всемъ мужу, но тотъ, совсѣмъ, вылый, съ первыхъ же фразъ останавливаетъ ее избитыми сентенціями, и этимъ все и ограничивается. Отъ гунного самодовольства мужа ей дѣлается такъ холодно, неприятно, жутко, а весенній вечеръ манитъ томной свѣжестью, дразнитъ ватнутые нервы... Пить, больше невозможно: будь что будетъ, пусть позоръ, раскаяніе, укоры совѣсти, во не это ужасное, гнетущее отчужденіе отъ всего живущаго, дышащаго тепломъ и хоть призрачной лаской... Помните стихи:

Наша жизнь никого не обманетъ.
Все уныло: тоскливые дни...
Но кто вѣритъ, твердитъ во устанетъ:
Обмани, хоть на мигъ обмани!..
Ты надеждами пасъ и цвѣтами
И улыбками насъ обмани!..

Жизнь блѣдна и скучна, зато есть другой роскошный, сверкающій то восторгомъ и вдохновеніемъ, то свѣтлымъ умиляющимъ порывомъ міръ. Это—міръ грезъ и мечтаній. И Чеховъ часто заставляетъ своихъ героевъ мечтать. О чемъ? Конечно, все о томъ же: о новой прекрасной жизни. Она кажется то безконечно далекой, то, наоборотъ, очень близкой, и потому съ какими-то радостнымъ трепетомъ прислушиваешься къ тайнымъ голосамъ сердца, шепчущимъ о ея скоромъ приходѣ. Въ „Трехъ Сестрахъ“ есть прелестная, полная, волнующаго настроенія сцена. Среди пустыхъ разговоровъ провинціальнаго кружка вдругъ всѣхъ собравшихся облѣваетъ какое-то особенное дыханіе предчувствій и жоланій. Тихія сумерки, звуки музыки вдали... И одинъ болѣе другихъ чуткій выражаетъ общее настроеніе неожиданной коротенькой фразой: „Еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ. Если бы знать, если бы знать!“... И опять робкая, но сладкая пауза, въ которой блаженно замерли усталые люди, которымъ такъ хочется отдыха отъ тревожныхъ загадокъ жизни.

„Мы отдохнемъ“,—утѣшаетъ кроткая Сони дядю Ваню. И тотъ съ глазами, полными слезъ, гладитъ ей головку, вѣритъ, хочетъ вѣрить... „Мы услышимъ ангеловъ, увидимъ небо въ алмазахъ,—шепчетъ ему Соня, умиленная предчувствіемъ нездѣлннаго счастья. И надорванному страдальцу чудится, что онъ уже видитъ лазурныя небеса и съ далекихъ прекрасныхъ звѣздъ доносятся чудныя гармоніи... А за окномъ стонетъ метель... Холодно, жутко!..

И вотъ это дѣтски-чистое Сонино „мы отдохнемъ“ несетъ та жидкая свѣтлая чеховская тоска по многому міру, гдѣ живутъ прозрачныя веселыя души, гдѣ Любви, Добро и Красота—не жалки слова, а воплощенные въ каждомъ атомѣ окружающаго живогтворнаго божества, извивающія свой радостный свѣтъ лучами голубого эфира.

Городская бібліотека имени А. П. Чехова
въ г. Таганрогѣ.

Нестрый калейдоскопъ унылыхъ дней уноситъ отъ насъ все дальше и дальше Чехова.

Давно осыпались послѣдніе листья въ „Вишневомъ саду“, промальной элэгій умрившаго писателя. Оголенные стволы словно черныя мертвецы, которымъ уже не воскреснуть. Но природа таитъ въ себѣ вѣчно обновляющіе залоги. Сегодня—саванъ и безбрежная снѣговая пустыня, а завтра—чудный весенній нарядъ, роскошный цвѣтникъ, блещущій переливами радужныхъ красокъ.

Будемъ же вѣрить этому чудесному закону обновленія и, храня драгоцѣнную память нашего любимаго писателя, будемъ ждать свѣтлой зари будущаго. Когда бы эта зари ни сверкнула, будемъ вѣрить вмѣстѣ съ Чеховымъ, что она вступитъ, неуремѣнно наступитъ.

И тогда чеховская тоска станетъ далекой тѣвью прошлаго, а настоящее будетъ великой радостью здоровой, бодрой, сильной человѣческой жизни.

В. А. Хавкинъ.

III.

Чеховъ и Магакрогъ.

Если вѣрно то, что окружающее въ дѣтствѣ поэтовъ и писателей налагаетъ на ихъ творчество неизгладимую печать, то это какъ нельзя лучше оправдывается на творчествѣ А. П. Чехова.

Когда вы читаете его произведенія, когда вы всматриваетесь въ изображаемую имъ жизнь, предъ вами всегда вырисовывается глухой, заброшенный провинціальный городокъ и вокругъ него „безконечныя, очаровательныя своимъ однообразиемъ степи“.

„Я зналъ, что Кимры добываютъ себѣ пропитаніе сапогами, что Тула дѣлаетъ самовары и ружья, что Одесса портовый городъ, но что такое нашъ городъ и что онъ дѣлаетъ—я не зналъ („Моя жизнь“).

Этотъ безликий „нашъ городъ“ является тѣмъ обязательнымъ и неизбѣжнымъ фономъ, на которомъ проходятъ всѣ созданія творчества Чехова.

На этомъ фонѣ проходятъ сѣрай, безрадостная жизнь провинціала („Моя жизнь“).

На этомъ фонѣ маются тоскующія по Москвѣ „Три сестры“.

На этомъ фонѣ длинной веревочкой проходятъ всѣ хмурые, маленькіе, ничтожные, обезличенные и обезличиваемые сѣрою скукой тусклой обиденщины люди, которыхъ такъ изумительно зналъ и изображалъ Чеховъ.

Чтобы одной фразой, часто однимъ словомъ такъ освѣдать всю ихъ вѣтвистую сущность, нужно съ ними страстно, сжиться, какъ сживаются со своими родными, какъ сживаются съ комнатой, съ мебелью, съ обоями, среди которыхъ проводятъ долгіе годы.

А. П. родился, какъ извѣстно, въ Таганрогѣ. Тамъ провелъ онъ свое дѣтство и гимназическіе годы.

Тамъ впервые чуткою душой воспринималъ онъ впечатлѣнія и образы окружающей жизни, которые потомъ съ та-

кою яркою и поразительною силой выявилъ въ своемъ творчествѣ.

И можно съ увѣренностью сказать, что Таганрогъ сыгралъ въ замѣчательномъ творчествѣ Чехова если не первую, то во всякомъ случаѣ огромную роль.

Тому, кто хоть немного знакомъ съ Таганрогомъ, живо вспоминается этотъ городъ, когда онъ читаетъ описаніе Чехова какого-нибудь скучнаго, безличнаго провинціального города, гдѣ увяло, безрадостно живутъ хмурые люди, гдѣ жизнь похожа на грустныя сумерки.

Свѣжаго человѣка, впервые попавшаго въ Таганрогъ, сразу же поражаетъ тишина и заброшенность улицъ.

Эти большія, безконечныя улицы, мощенныя только въ мѣстахъ, прилегающихъ къ центру, стоятъ всегда малолудныя и сонныя.

Вяло движутся по центральнымъ улицамъ прохожіе, вяло тарахтитъ колеса убогихъ извозчиковъ.

По вечерамъ главвал, Петровская, оживаетъ на часъ, на два.

Выставка „Независимыхъ“.

Старая Москва.

Б. Боголюбова.

А ночью тихо и глухо въ пустынныхъ улицахъ. Фасады домовъ, у которыхъ „упрямое, черствое выраженіе, линии сухія, робкія, крыши низкія, приплюснутыя“, стоятъ темныя, съ плотно запертыми ставнями. Плотно закрыты калитки дворовъ.

Ночью таганрожцы боятся въ одиночку ходить даже по Петровской.

Глушь улицъ располдила неимоверное количество грабителей.

Если вы захотите ознакомиться съ достопримѣчательностями Таганрога и спросите о нихъ коренного жителя, онъ сначала удивленно вскинетъ на васъ глаза, словно изумится тому, что въ ихъ городѣ вздумали искать достопримѣчательности.

А потомъ, медленно соображая, станеть припоминать:

— Дворецъ, гдѣ жилъ и умеръ Императоръ Александръ первый, видѣли?

Вы отвѣтите, что видѣли маленькій желтый домикъ, у воротъ котораго стоитъ полосатая будка, а у будки солдаты.

— Памятникъ Петру Великому видѣли?

Вы отвѣтите, что ужъ успѣли его не только видѣть, но и изучить.

— И домъ Чеховыхъ тоже видѣли?

Вы отвѣтите, что послѣднее васъ главнымъ образомъ и заинтересовало въ Таганрогѣ.

Тогда таганрожцы разведутъ руками и скажутъ:

— Ну, кажется, больше ничего и нѣтъ.

Но если вышности Таганрога и украшена тремя упомянутыми достопримѣчательностями, то внутренняя его жизнь

и этого лишена. Здѣсь царить та блаженная обывательская типина и бездѣйность. та типа обывательской разрыхляющей скуки, гдѣ блекнетъ неудовлетворенная молодость, гдѣ вянутъ порывы благородной души, гдѣ тусквѣетъ мысль, гдѣ на пустынн растрачивается сила и бодрость, гдѣ наутива мелкихъ гнѣздовыхъ интересовъ, силетень, зависти и дрязгъ опутываетъ жизнь.

Дворяне, чиновники, маленькая кучка интеллигентовъ и мелкіе обыватели, всѣ хоть и обособились другъ отъ друга, во всѣ одинаково застряли и задыхаются въ болотѣ обывательскихъ мелочей.

Люди „съ истинками общественности“ порою порываются создать нѣкоторую общественную жизнь. Но и эти порывы быстро гаснутъ въ тусклой атмосферѣ города.

И люди „съ истинками общественности“ горостно удовлетворяютъ свои порывы въ Общественномъ собраніи, гдѣ два раза въ недѣлю до разсвѣта играютъ въ лото, а въ другіе дни либо играютъ въ карты, либо ужинаютъ; ходятъ изрѣдка въ старенькій, обветшалый театръ, гдѣ прозябаютъ посредственная драматическая или опереточная труппа; и наконецъ создаютъ „волненіе крови“ въ тѣхъ же мелкихъ дрязгахъ „на почвѣ общественныхъ дѣлъ“.

Два мѣстныхъ газеты, — что для русскаго провинціального города звучитъ очень громко, — расходятся однако въ тиражъ, который въ общей сложности не превышаетъ 3 тысячи вомеровъ.

Есть, впрочемъ, у Таганрога, какъ у „Трехъ сестеръ“, своя мечта о Москвѣ.

Это мечта о глубокомъ портѣ.

— Устроить въ Таганрогѣ глубокий портъ, и тогда для Таганрога вачнется новая жизнь!

Только этой единственной и, кажется, недостигаемой мечтой и живъ Таганрогъ.

Забитая, хмурая, сумеречная, унылая какъ осенній вечеръ жизнь русскаго провинціи, вся рельефно отчеканилась на жизни и физіономіи Таганрога.

Эту жизнь Чеховъ впервые увидѣлъ и узналъ въ тихихъ, глухихъ улицахъ, подъ приплюснутыми крышами домовъ Таганрога.

И оттого кровавыми витями связано творчество Чехова съ этимъ городомъ сумеречной жизни и хмурыхъ людей.

И. М.-чѣ.

Искусство и реакція.

(Окончаніе.)

III.

Смотрѣлъ я еще осеннюю петербургскую выставку, выставку „независимыхъ“. О послѣдней говорить много не приходится. Это большой продуктъ большихъ общественныхъ условий. Люди, которые либо матеріально обезпечены и тоскуютъ отъ бездѣлья, либо, быть можетъ, и голодаютъ, но потеряли душевное равновѣсіе и одержимы маніею „художества“, — пачкаютъ холстъ и бумагу, выводятъ какія то каррикатурныя, близкія къ искусству готтентотовъ и зулусовъ фигурки или просто кляксы, и искренно воображаютъ, что они занимаются искусствомъ.

Типичнымъ для этой болыной публики является предисловіе къ ихъ каталогу, гдѣ „столопомъ“ независимыхъ объявляется г. Горьловъ, трактующій о „задачахъ искусства“, говорящій о „грамотности и неграмотности“ въ искусствѣ.

И „произведеній“ этого „художвпкъ“ также выставилъ, какъ подается „столпу“, огромное множество. Но и не берусь дать читателю яркую характеристику этого „творчества“. Изъ того, что и пазову все это бредомъ, маньячествомъ, каррикатурой, читатель лично себя не уяснитъ. Равводитъ же канителъ съ описаніемъ деталей и считалъ бы недобросовѣстнымъ по отношенію къ читателю. Одно только могу сказать, что на это „предметъ“ потратить три гривеника есть основаніе, и и искренно софтовалъ бы читателю самому посмотреть это уродливое явленіе, это жалкое состояніе людей, отуманенныхъ своей маніей, своимъ бредомъ. Но характерно, однако, то, что и г. Горьловъ, и многіе изъ его товарищей по „независимости“ очень ужъ вертятся около филонаго листа.

Не меньшій бредъ представляетъ собою и „Золотое Руво“. Что касается петербургской осенней выставки, то се, конечно, нельзя ставить на одну доску съ „независимцами“, и даже больше: я бы не поставилъ ее на одну доску съ выставкой союза русскихъ художниковъ, сколь это ли показавлось бы обиднымъ для сякъ послѣднихъ съ ихъ довольно извѣстными именами.

Но это, конечно, еще далеко не значить, что осенняя выставка является продуктомъ здороваго творчества, серьез-

ных стремлений въ искусствѣ. Наоборотъ, во многомъ, особенно въ техникѣ, здѣсь имѣется полная отсталость, и если въ содержаніи здѣсь вы видите нѣкоторое тяготѣніе къ жанру, то это жанръ очень примитивный, больше всего также централизирующійся у фигового листа. Тутъ вы имѣете цѣлый рядъ „pieces“, весьма шаблонно написанныхъ и рассчитанныхъ только на „содержаніе“.

Какое-то подобіе „Кающейся“ Магдалины, написанной съ теплыми тѣнями и пальцами, совершенно напоминающими рядомъ имѣющимися нехури-написанные грибы — это произведение г. Каймана. Какая-то растянущаяся въ сладостной истомѣ женщина пие г. Лебрюна. Довольно неизящно сложенная, скверно парисованная неже хуже написанная дѣвушка пие подъ названіемъ „Діана“ — г. Синьяка. Стоящая „купальщица“ Жефруа и такая же стоящая „купальщица“ Шардена, оба скверно парисованные и грубо написанные. Не совсемъ ясный и понятный „Сонъ“, состоящий изъ трехъ женскихъ фигур, сплетающихся въ воздухѣ между вѣтвями деревьевъ г. Лоранса и его же „Nostalgie“, состоящий изъ двухъ женскихъ фигур. И такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это изъ „содержанія“ оспенной выставки.

И тутъ опять спрашиваешь: что это? и для кого это?..

И отвѣтъ все тотъ же: это художественный развалъ, нужный кучкамъ разлагающейся буржуазіи.

И задаешь себѣ еще одинъ вопросъ: естественно это или неестественно? должно оно такъ быть или не должно?..

Да, конечно, должно. Это неизбежное переходное время, необходимо прелмествующее другимъ новымъ социальнымъ этическимъ и эстетическимъ воззрѣніямъ и запросамъ, на которые будутъ отвѣчать свѣжія, молодые силы.

Наше шествіе впередъ, къ лучшей жизни, говоритъ Ж. Дестре, требуетъ столько же умственного и нравственного преобразования, сколько и матеріальнаго.

Это-то преобразование и составляетъ задачу свѣжихъ, молодыхъ силъ, которые стануть на мѣсто отживающихъ и разваливающихся.

По пути же къ этому будущему прежде всего въ искусство вносится идея. И только тогда искусство будетъ вліять на человѣческую мысль, на человѣческую культуру, будетъ отражать и выковывать чистые общественные идеалы.

Вмѣстѣ съ литературой, которая находится въ такомъ же переходномъ состояніи, живопись будетъ участвовать въ созданіи новой эпохи, какъ это было во Франціи въ началѣ XIX вѣка, во всѣй Европѣ и въ Россіи въ серединѣ этого же вѣка.

Искусство безыдейное вызываетъ въ насъ, въ лучшемъ случаѣ, пассивное настроеніе. Искусство же, озахотворенное мыслью, идеей, претворяетъ это настроеніе въ активную волю, творящую новую жизнь, новую культуру.

Л. Д. Теплицкій.

Царевна Динь.

Прекрасная царевна Динь... Въ утренней дымкѣ, облитая лазоревымъ сіяніемъ, это она принесла намъ розовыя зори... Вотъ ея нѣжные слѣды на росистой поблѣтѣвшей травѣ, вокругъ цвѣтовъ, гдѣ ловила она бабочекъ съ алыми крыльями, кружась и порхая сама какъ бабочка въ затѣйливомъ танцѣ... Легче воздуха, нѣжнѣ пуха скользя она въ лучезарномъ тепломъ вѣяніи какъ мимолетная сказка навстрѣчу пылающему солнцу, въ ласковой трели жаворонка...

Кто не слышалъ о прекрасной царевнѣ Динь?.. Въ глухую непогодную пору жизни, когда дѣятельность скована и сумерки заглядываютъ въ окна, кому не знакомы эти минуты томленія надеждами, кому не хочется забыться отъ гнета повседневности въ мечтѣ, дѣйствительность которой — далекая, прекрасная, почти неосуществимая — кажется сказкой среди лжи и компромисса?..

Эту сказку слышали мы на-дняхъ въ театрѣ у Незлобина въ тонкомъ и яркомъ исполненіи, въ изящной музыкѣ, въ нѣжныхъ картинахъ, въ постановкѣ, полной вкуса, красоты и очарованія... Мы провели восхитительные часы сначала въ уютной комнатѣ Бабушки съ ея неизмѣннымъ чулкомъ, съ ея походнымъ вольтеровскимъ кресломъ, съ ея большой лампой подъ краснымъ абажуромъ.

Эту сказку рассказала Бабушка любимцамъ-внукамъ — маленькимъ Маку и Пудикю. Мы такъ любили

Театръ Незлобина.

„У царевны Динь“.

Сказка Н. Г. Шкляра.

добраго бѣлоснѣжнаго Рождественскаго Старика, который, сидя тутъ же среди насъ на приступочкѣ, пояснялъ безхитростную сказку! Съ дѣтскимъ любопытствомъ шли мы по странѣ Золотой Дремы съ ея забавными слугами — проказниками Потягушей и Позѣвущей, съ ея довѣренными — хитрымъ Дѣдомъ-Шептункомъ и добродушнымъ ворчункомъ Докторомъ Букой, дочитывающимъ „последнее слово“ по своей большущей книгѣ и лѣчащимъ больныхъ малютокъ, принесенныхъ легкокрылыми Дремками изъ земной юдоли. Какъ сладко отзывались мы на призывъ Золотой Дремы къ усталымъ и обездоленнымъ отдохнуть въ ея царствѣ весеннихъ грезъ! Какъ старались мы вмѣстѣ съ нею прогнать страшный Черный Сонъ, пугавшій насъ то справа, то слѣва! Какъ хотѣли мы оживить ледяное сердце чудной и гордой Китайской Принцессы, явившейся въ дремную страну въ сопровожденіи паяца, съ легко-гнушей спиной и пресмыкающагося передъ Принцессою, — и какъ радовались мы, когда льдинка растаяла отъ звонкой хороводной пѣсни, подъ которую рядомъ плясали и Принцъ и Нищій! Какъ, наконецъ, въ лучезарныхъ чертогахъ Царевны Динь среди ея бѣлыхъ рыцарей наше сердце пропѣло вмѣстѣ съ ними гимнъ горящему святой любовью сердцу маленькаго Мака, принесшаго его Царевнѣ Динь какъ лучший даръ, какъ лучшее свое сокровище...

Здравствуй же, Царевна Динь, — здравствуй, весенняя, звѣздная царевна бѣлыхъ ночей!.. Являешься ты яснымъ, душистымъ утромъ, обрызганная росой и солнцемъ, свѣтлая сама какъ божій лучъ... Цѣлуютъ тебя сны легкокрылые, туманятъ золотыя грезы, — несешь ты съ собою покой и забвеніе, стремишься къ тебѣ робкія слова и моленія... Дай же увидѣть намъ небо въ алмазахъ, подари лучезарную сказку, — дай отдохнуть въ странѣ Золотой Дремы: отдохнувши, мы снова отправимся въ путь, мы снова возьмемся за дѣло, — и мы осуществимъ большое дѣло, и это дѣло будетъ подвигомъ нашего горячаго любящаго сердца...

С. Р.

Москва.

Репетиции „Валькирии“ в Большом театре возобновились с прибытием артиста г. Боначича.

Контракт г. Боначича возобновился еще на два года.

„Перов“ в Большом театре пойдет в первый раз по возобновлении 20-го января. Перона поет Боначич, Понпею — Балановская, Эпхарису — Правдина.

Тенор г. Матвеев на постъ командирован в петербургский Мариинский театр для исполнения вагнеровских опер.

В Малом театре с средним успехом прошли „В старые годы“ Писаживского. Автор выходил на вызовы.

В будущем сезоне казенная опера ставит цикл Вагнеровских опер, в которых выступит новый артист Алчевский и г-жа Ермоленко-Южва; кроме того возобновляют „Хованщину“ и „Купца Калашникова“.

Капитальная перестройка Малаго театра за отсутствием средств снова отложена на год. В будущем году исполняется 35-летие сценической деятельности Ф. П. Горева.

Е. Е. Плотников, бывший второй дирижер балета Большого театра, подписал к С. И. Зимину контракт на три года с вознаграждением, по слухам, в первый год — 6 тысяч, второй — 7 тысяч и третий — 8 тысяч. Казенная дирекция платила ему всего 1200 р. Летом г. Плотников дирижировал симфоническим оркестром в Ростове-на-Дону. Претендентами на освободившееся место ухода г. Постникова место второго балетного капельмейстера, кроме гг. Терентьева и Мюллера, являются также гг. Эккерт и Чабан. Будет устроена очень серьезный конкурс.

Опера С. И. Зимина.

В. В. Люце.

(К гастрольям).

16 и 18 января в операх „Клеветы Оливи“ и „Анда“ сотоятся два гостроли хорошо известной Москв по Солодовни-ковскому и Императорскому Большому театрам С. И. Друзяки-ной. Вступившая в Большой Театр, вполне сложившейся артисткой в провинции, г-жа Друзякина не смогла помириться с существующим там режимом, покинула Императорскую сцену и вновь переехала в провинцию. Два минувшие зимние сезона гастроллировала одну весну и часть лета посвятила большому организованному ею лично концертному турне на Дальний Восток (Архангельск, Владивосток) с виолончелистом А. В. Вержбиловым. В Сентимбры этого года итальян-

ская карьера г-жи Друзякиной началась выступлением в Милане, в театре Dal Verme, где она спела Анду, Тоску и Венеру. После первых же успешных спектаклей артистка получила ряд приглашений в театры Италии и Америки и подписала контракт на февральский карнавал (два месяца) в театр Massimo di Palermo в Сицилии. По окончании сезона в Dal Verme г-жа Друзякина вернулась для гастролей в Россию, кои состоялись в Харькове, Самаре, Казани, Томске и Иркутске.

Из достоверных источников сообщают, что запрещение „Анатэмы“ явилось результатом коллективной агитации против этой пьесы со стороны „союзников“ и духовенства. Заявление о том, что „Анатэма“ — пьеса кощунственная, оскорбляющая религиозное чувство и т. д., покрыто 700 подписей. С репертуара Художественного театра „Анатэма“ свита. Та же участь постигнет, по всей вероятности, и „Сатану“ Гордина, пущаго сейчас в театр Горина.

Уполномоченный софийского театра пригласил режиссера правительственных болгарских театров бывш. режиссера Незлобского театра Марджанова. Последний, как сообщают из Петербурга, согласился и в скором времени выедет в Софию.

„Анфиса“ идет в театре Незлобина в первый раз 26-го января. 25-го состоится ее генеральная репетиция.

22-го января исполняется 25-летие артистической деятельности талантливого артиста г. Васильева, бывшего артиста Малаго театра. На сцене Литературно-художественного кружка пойдет „Ревизор“ в прекрасном составе. Юбилей выступит в роли Хлестакова. Г. Васильев считается лучшим исполнителем этой роли. В виду заслуг г. Васильева кружок уступает ему поминание безвозмездно.

Весной в Москве состоится несколько гастрольных спектаклей М. Г. Савиной.

В Москву приезжает большая труппа польских артистов, во главе с г. Камевским и г-жей Рутковской.

С 28 до 31 января с. г. в новом театральном зале Купеческого Собрания состоится 4 гастрольные спектакли парижского артиста-автора Саша Гитри. Репертуар составлен весь исключительно из пьес его сочинения. Он играет сам главные роли в своих произведениях. Главной его партнершей является известная парижская артистка Шарлотта Лизе.

Г. Блюменталь-Гамарин приступил к репетиции новой оперетты автора „Фривы“ — „Веселое путешествие“.

Чествование С. И. Жамохтова.

Опера Зимина отменила двадцатипятилетие со дня основания частной русской оперы постановкой десятого января „Юдифи“ Сьрова (для утренника) и „Майской ночи“ (для вечернего спектакля).

Обе оперы были обставлены лучшими силами Солодовниковского театра и прошли с большим подъемом, при переполненном зале.

На вечернем представлении присутствовали и сам юбиляр — отец частной русской оперы — Савва Иванович Мамонтов.

В виду того, что С. И. от открытого чествования уклонился, труппа, во главе с С. И. Зиминым, приветствовала его при опущенном завесе поднесением адреса, украшенного художественно выполненной Федоровским вышивкой. Адрес, прочитанный режиссером оперы П. С. Олениным, составлен был в таких выражениях:

„Дорогой Савва Иванович! Для нас, скромных должателей больших ваших начинаний в области частной оперы в Москве, вы всегда и неизменно — дорогой Савва Иванович, всем нам близкий, родной!“

„Москвичи, в лучшем и благороднейшем смысле этого слова, со светлой головой и с широким размахом, с горячо любовью к искусству и глубокой проникновенностью во все его тайны, вы смело, с юношеской энергией, первый подняли занавес частной оперы. И она существует двадцать пять лет, крепнет собственными своими силами и общественным сочувствием, бодро преодолевает все трудности дела и препоны, которые ему усердно кладут.“

„И вот, в день исторического совершенствования частной оперы мы испытываем чувства живой и благодарной радости, что видим вас, Савва Иванович, вы творца и родоначальника, среди нас, с той же бодрой энергией, с высокоподнятой головой и с глазами, всем красноречиво говорящими: — все тлен и суета, лишь искусство вечно. — Да здравствует Савва Иванович! Мы не рискуем, в краткое иривлечение подводим какие бы то ни было итоги вашей деятельности: современники ее знают, но оценят потомки, которым история нашей культуры много поучительного расскажет про вас, про вашу жизнь и ваши труды. И среди многих славных московских имен, истинных артистиче-

товъ духа, ярко и многогранно будетъ свѣтить славное имя Саввы Мамонтова.

„Еще разъ, да здравствуетъ Савва Ивановичъ!“

Громъ рукоплесканій покрылъ этотъ призывъ чествовать маститаго юбиляра.

С. И., тронутый привѣтствіями, благодарилъ всѣхъ своими добрыми взглядами.

— Я всегда дѣлалъ, что могъ, искренно, отъ души, съ любовью, когда же перестала мочь...

Голосъ Саввы Ивановича дрогнулъ. Онъ краснорѣчиво развелъ руками и направился быстрыми шагами къ выходу.

„С Я Л Я М Б О“,

(По Флоберу).

Балетъ-Либретто—А. А. Горскаго, музыка—А. О. Арендса.

Поворотъ на новую дорогу постановка этой мимодрамы, красной, полной драматизма въ прекрасно составленномъ либретто?

Врядъ ли... Если допустить, что новый путь хореографіи будетъ мимодрама, то необходимо, чтобы главный элементъ ея—мимика—была изощренной, говорящей чувству и уму о томъ же и въ той же мѣрѣ полно, какъ и сопровождающая ее музыка.

Но когда рабъ Спендій предлагаетъ Мото похитить плащъ богини, чтобы овладѣть Саламбо и Кароагеномъ, или сжепая Саламбо о царящій змѣй: „Онъ преслѣдовалъ въ лѣсу чудовище, хвостъ котораго извивался по сухимъ листьямъ какъ серебряный ручеекъ... Женщины съ хвостами драконовъ собрались у огромнаго костра“... или мысли Саламбо, взволнованной свѣтомъ луны и предчувствіями, то... гдѣ взять графической балетной мимикѣ краски для изображенія насоевѣя этихъ образныхъ мыслей и настроеній, такъ переливающихся у Флобера, какъ окраска чудеснаго покрывала богини Тавитъ...

Балетной мимикѣ пока доступны лишь элементарныя переживанія; когда же хотять ея выразить большее, получается просто скучно, потому что непонятно. И досадно, что прекрасный балетъ „Саламбо“ не воплощень даже въ одной трети своего художественнаго содержанія.

Г-жа Гельцеръ схлала все, что можно. Ея мимика впервые возвысилась до истиннаго трагизма. Съ перваго выхода, когда она какъ гипнозомъ усмирять дикуя массу наемниковъ, она подткнула силой своего спокойствія и зрителя.

Далѣе прекрасные переходы отъ созерцанія къ дѣйствію—отъ удивленія и стыда дѣвушки, когда она видитъ разорванной Мото золотую цѣпочку на своихъ ногахъ.

Г. Мордкинъ—редкій по способности трансформироваться артистъ. Его Мото идеально задуманъ въ смыслѣ исторической живописи и въ смыслѣ психологическомъ. Если онъ мѣстами мало понятенъ (въ силу несовершенства вообще принятой въ балетѣ лже-мимики), то за смѣлую красочность его рисунка, оживающаго въ блескѣ его пламеваго темперамента, ему все, все прощаешь... Съ него словно сыплются искры, когда онъ въ гнѣвъ сильнаго дикаго человѣка бросается въ массу озвѣрѣвшихъ людей, и идетъ тихій свѣтъ, когда онъ молитъ о любви Саламбо.

Но лучшее, лучшее во всемъ спектаклѣ—это смерть Мото,—г. Мордкина.—Тутъ такая потрясающая, чисто физическая трагедія, трагедія прекраснаго терзаемаго тѣла, отъ которой жутко.

Итакъ, танцевъ почти нѣтъ, а что осталось изъ нихъ, то слабо, невзначительно.

Исключеніе, впрочемъ, танецъ бедуина г. Козлова 1-го. Это опять этнографическая стильная картина. Прекрасныя гибкія движенія, хорошій гримъ.

Какъ странно не додѣланы варіанціи г-жи Каралли—богини Тавитъ. Образъ она дала поэтичный и красивый.

Хороша г-жа Федорова 2-я со змѣями, но хотѣлось бы больше змѣиной въ позѣ, такъ чтобы легко было бы этой артисткѣ, обладающей такими разнообразіемъ вообще.

Г-жа Куршинская неудачно копируетъ Алседору Дукача.

Если „Саламбо“ ставить какъ мимодраму, то прежде всего надо было бы расцвѣтить постановку историческими бытовыми красками. Вѣдь мало того, чтобы грубымъ галлаамъ дать поповоротливый движенія, надо дать хотя бы въ 1 карт. специфическія движенія ѣды, питья въ отличіе отъ гибкихъ движеній вумидійцевъ (хотя бы по фрескамъ въ Британскомъ музеѣ и по матеріалу романа Флобера). Далѣе въ храмѣ Тавитъ хотѣлось бы видѣть ритуалъ, состоящій изъ характерныхъ движеній жрецовъ, какъ извѣстно, изображавшихъ „кача-пелампадъ“... Передъ Вааломъ-Молохомъ шествію должно быть несравненно торжественнѣе, строинѣе, дѣйствія жре-

Е. В. Гельцеръ.

Шаржъ О.

цовъ (о которыхъ есть историческія данныя) должны быть опредѣленнѣе, содержательнѣе.

Всѣ „восточныя“, съ шарфами, „военныя“ и т. п. пляски должны имѣть гораздо большій восточный колоритъ съ налетомъ эллинизма.

Послѣдній актъ сбивается на самый обыкновенный балетъ, чуть ли не съ общимъ чардашемъ и даже съ point'ами (у г-жи Гельцеръ).

Декораціи К. А. Коровина 1 карт.—сады Гамилькара, 3-ей—у Саламбо и 6-й—палатка Мото изумительны по рисунку и товамъ. Но въ 1 картѣ совершенно съѣдаются въ пестротѣ декораціи костюмы. Это большой недостатокъ.

Въ ней же появленіе Саламбо—центральный эпизодъ—пропадаетъ, такъ какъ она затерта толпой; точно такъ же жертвоприношеніе Молоху затушено первымъ планомъ.

Впечатлѣніе толпы было бы гораздо сильнѣе, если бы она была распланирована на вѣсколькихъ плоскостяхъ, а въ „Саламбо“ группы совершенно не видны изъ-за этого.

Аксессуары превосходны, но ихъ мало на всѣхъ этихъ торжествахъ и жертвоприношеніяхъ.

Изъ эпизодическихъ ролей отмѣтимъ г. Гузина—негра, дающаго прекрасную картину припадка и очень выразительнаго по гриму.

Г. Хасперъ—Лузнецъ—очень типиченъ; онъ схватилъ въ походкѣ первобытность.

Пляски ожившихъ боговъ—г. г. Волинникъ, Козловъ 2-й, Новиковъ, Рыбцовъ и др. и г-жи Мендесъ, Грекова 1-ая, Павлова, Станиславская, Пожницкая и др.—если бы сгруппированы были симметричнѣе, были бы эффектны. Очень мѣшаетъ здѣсь темнота.

Г-нъ Сидоронъ—въ Гамилькарѣ—слишкомъ суетливъ, но по фигурѣ и гриму хорошъ.

Г-нъ Карцовъ—врядъ ли на мѣстѣ. Онъ скорѣй комикъ, а Спендій—вдохновитель Мото—долженъ обладать трагической силой воздѣйствія.

Инструментована музыка А. О. Арендса, какъ и надо было ожидать отъ ученика П. И. Чайковского, очень полно и звучно, но по мотивамъ блѣдна.

Либретто А. А. Горскаго сдѣлано очень литературно, хотя есть лишніе даниноты, какъ IV картина.

Повторяемъ, если постановка „Саламбо“ имѣла задумана какъ мелодрама, то хотѣлось бы больше бытовыхъ историческихъ штриховъ и оригинальнаго въ плавировкахъ массъ.

Ник. Ва—вичъ.

Гастроли В. В. Люце.

Для второй гастролы В. В. Люце выступила въ „Цевильскомъ цирюльничкѣ“.

Прослушать россиіевскій шедевръ всегда доставляетъ огромное наслажденіе!

Сколько тутъ изящества, граціи, юмора, сколько искренняго вдохновенія, какъ искрится и переливается яркими красками заразительное веселье!

Теперь уже такъ не пишутъ!

Г-жа Люце—великолѣпная Розина.

У пѣвицы прелестный голосъ.

Тембръ ласкаетъ своей красотой, теплотой, мягкостью, колоратура у пѣвицы блестящая, прекрасно выработанное ріано, красиво звучагъ высокія ноты, которыя берутся легко.

Въ сценѣ урока знаменитый „Соловей“ спѣтъ съ виртуознымъ блескомъ.

Дѣлаетъ пѣвицѣ честь, что она не злоупотребляетъ колоратурой и на bis спѣла Гречаниновскую „Колыбельную пѣсню“.

Спѣла съ настоящимъ лиризмомъ и теплотой.

Въ сценическомъ отношеніи Розина г-жи Люце изящна, граціозна, кокетлива.

Прекрасная дикція и великолѣпная тонкая фразировка дополняютъ впечатлѣніе.

Успѣхъ пѣвица имѣла огромный.

Вызывали ее безъ конца.

Изъ другихъ исполнителей хороши: г. Бочаровъ—Фигаро, г. Чугуновъ—Бартоло и г. Трубинъ—Донъ Базиліо.

Х.

Мелкій бѣсъ.

Когда А. В. Амфитеатровъ года три тому назадъ со страхомъ предсказывалъ, что «Мелкій бѣсъ» представляетъ слишкомъ много соблазна для гг. передѣлывателей и врядъ ли избѣгнетъ ножницъ, онъ, вѣроятно, и не подозревалъ, что въ качествѣ передѣлывателя выступитъ самъ Сологубъ.

Своему собственному дѣйству кто же врагъ, кто желаетъ вреда своему же творчеству.

Художественный театръ.

В. В. Лужскій.

Эскизъ О.

А у г. Сологуба вышло такъ, что онъ оказался врагомъ своему же изумительному роману.

Одинъ изъ критиковъ справедливо замѣтилъ, что лучшее всегда врагъ хорошаго и что пьесѣ «Мелкій бѣсъ» больше всего вредитъ романъ «Мелкій бѣсъ».

Не будь романа, было бы и къ пьесѣ другое отношеніе, а то теперь на каждомъ шагѣ напрашиваются сравненія и сравненія не въ пользу пьесы.

На спектаклѣ вы слышите на каждомъ шагѣ: въ романѣ это ярче, въ романѣ это лучше, въ романѣ это совсѣмъ не такъ.

И съ этимъ нельзя не согласиться.

Въ романѣ все, дѣйствительно, лучше.

Романъ Сологуба—этого страшнаго мага алхимика современной литературы—это пожалуй, самое сильное, самое глубокое, что дала наша литература послѣ Достоевскаго.

Жизнь—«бабища дебелая и румяная», по выраженію К. Чуковского—нигдѣ такъ не страшна, такъ не омерзительно жутка, какъ въ этомъ романѣ съ его стаей мелкихъ, грязныхъ бѣсенятъ, съ кошмарнымъ бытомъ и недотыкомкой.

И нигдѣ нѣтъ на ряду со страшной бабищей такой нѣжной весенней тоски по прекрасной Альдонѣ и таинственной и чудесной странѣ Ойле.

И передонощина—явленіе не меньшее и прямо генетически преемственное карамазовщинѣ и особенно смердяковщинѣ.

Въ каждомъ изъ насъ есть кусочекъ Передонова и какъ онъ ни омерзителенъ, но намъ въ то же время близокъ и понятенъ, страшно понятенъ.

Общественное значеніе передонощины велико—въ ней многое предугадано, въ ней большой ключъ къ послѣднимъ событіямъ и въ подпольѣ и вообще въ Россіи.

Вотъ эти-то кардинальныя стороны романа какъ-то туснеются въ пьесѣ.

На первый планъ лѣзетъ исторія болѣзни Передонова и выходитъ это въ родѣ исторіи болѣзни Пытоева.

Глубина сводится къ отдѣльному случаю занимательнаго сумасшествія.

Быть вкрапляется нелѣпо въ психо-патологію, и диссонантомъ звучатъ сладкія пѣсни сестрицъ и звонкій смѣхъ Людмилы и Саши.

Интригу, нить приходится прерывать, разбивать, незначительные эпизоды занимаютъ по цѣлой картинѣ.

Психологія отрывчата и слишкомъ упрощена.

И, если попадетъ въ театръ человѣкъ, не читавшій романа, то врядъ ли пойметъ, въ чемъ дѣло и врядъ ли разберется въ происходящемъ на сценѣ.

Поэтому все значеніе пьесы сводится къ иллюстраціи отдѣльныхъ сценъ романа.

И въ этомъ отношеніи она имѣетъ большой *raison d'être*.

Романъ всѣ знаютъ или по крайней мѣрѣ должны знать.

А знающіе посмотрятъ эту иллюстрацію съ наслажденіемъ.

Это такъ интересно—увидѣть страницы романа ожившими и двигающимися.

Тѣмъ болѣе, что поставлена и разыгрывается пьеса очень интересно.

Въ своей постановкѣ г. Незлобинъ исходилъ отъ быта, этакое соннаго, лоснящагося быта.

И отъ этого быта онъ спускаетъ прямую въ кошмаръ въ галлюцинаціи и изгибы.

И это выходитъ отлично и производитъ большое впечатлѣніе.

Все очень просто, во всемъ вкусъ и чувство мѣры.

Правда, сонъ грубоватъ, правда, карты и черти на стѣнахъ наивны, недотыкомка въ послѣднемъ актѣ не очень удалась, но зато хорошо, что такъ просто къ этому подошли.

Галлюцинаціи на сценѣ вообще труднѣйшая вещь.

Лучше всего ихъ совсѣмъ не изображать.

Пусть актеръ играетъ такъ, что зритель видитъ то, что ему мерещится.

Вѣдь игралъ же Сальвини Отэлло такъ, что зритель ви-

дѣлѣ потокъ крови, хлынувшій изъ горла, когда онъ полосувалъ себя итаганомъ.

Но ужъ если галлюцинаціи надо изображать, то лучше это дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ Незлобинъ.

И отлично, что выкинута недотыкомка въ 1 актѣ и хорошо изображена она во 2-мъ.

Играютъ пьесу занятно.

У каждого изъ обонхъ Передовыхъ—гг. Неронова и Бѣлгородскаго есть свои плюсы и минусы.

Къ Солугубу ближе г. Бѣлгородскій.

Молодой, красивый гримъ, пѣтъ сразу „сумасшедшаго учитоля“.

Но захвата психологій, Смердякова больше у г. Неронова.

Зато у г. Бѣлгородскаго выпуклѣй общественная сторона перодоновщины.

Володинъ г. Мѣанова жестче и прямолинейнѣй Володина г. Асланова.

Такая опредѣленная фигура—отвратительная и нелѣпая.

Но у г. Асланова все мягче и человѣчнѣй.

Театръ Корша. Съ г. Федоровымъ, несма недурнымъ беллетристомъ и драматургомъ, случилась неприяность. Погнался человекъ за сенсацией, хотѣлъ напугать и, что называется, съ трескомъ сѣлъ въ лужу. Это и вполнѣ справедливо—нельзя насиловать своего дарованія, нельзя описывать нравы того клочка жизни, свѣдѣнія о которомъ почерпнуты изъ газетной хроникѣ и скверныхъ фельетоновъ.

Тему взялъ г. Федоровъ животренищущую, глущую, необыкновенно близкую къ намъ.

Миръ петербургскихъ авантюристовъ высшаго полета, салоны портнихъ, гдѣ и живымъ товаромъ торгуютъ и подряды и концессіи устриваютъ, кафешантаннѣе антрепренеры, обдѣлывающіе свои темныя дѣлишки вмѣстѣ съ савонниками все это полно интереса для нашего зрителя тѣмъ болѣе, что совсѣмъ прозрачныя фамиліи прикрываютъ героевъ недавняго прошлаго Эсторъ, Лидвалъ, Лобко и прочихъ напугавшихъ представителей петербургской нации.

Но, увы, не каждому дано быть Колышко, и почему г. Федорову понадобилось дѣлать экскурсіи въ область совершенно для него неизвѣстную, совершенно непонятную.

Впрочемъ, сенсация вещь заманчивая и соблазнительная, но у г. Федорова даже сенсация во получилось. Все вышло какъ-то гимназически наввно и напоминаетъ семинариста, описывающаго Испанію.

Театръ Незлобина. „Мелкій Бѣсъ“.

2-й актъ.

Декорация П. И. Андріашева.

Для Володина г. Мѣанова у публики одно омерзѣніе, а для Володина г. Асланова омерзѣніе и жалость.

Г-жа Васильева ярко играютъ Варвару, оставляя ее въ предѣлахъ „бытовой халды“.

Прелестная парочка г-жа Лядова и г. Лихачевъ.

Послѣдній удивительно нѣжно, красиво, свѣжо играетъ Сашу.

Отъ фигуры вѣтъ очарованіемъ молодости, непосредственности и красоты.

Г-жа Лядова сразу полюбила публику.

У нея столько молодой, нѣжной страстности, столько порыва молодого тѣла...

Накинъ она чуть-чуть больше флера поэзіи, чтобы болѣе безсознательно звучалъ голосъ тѣла, это будетъ идеальное исполненіе.

Среди бытовыхъ фигуръ масса интереснаго.

Превосходенъ г. Грузинскій—Голова.

Очень хороша г. Годзи.

Типична г-жа Орлицкая-Морева, очень интересна г-жа Юратова, хорошую фигуру даетъ г-жа Нелюбова.

Хороши гг. Бороздинъ и Дигириловъ.

Слабоватъ г. Щегловъ—Рутіловъ.

Очень поэтична декорация 2 акта и прелестна обстановка у сестеръ Рутіловыхъ.

Отъ нея вѣтъ молодой и нѣжной страстью.

Як. Львовъ.

Остроты самаго дешеваго свойства, да діалогъ какой-то отвратительной рыночной развязности придаютъ пьесѣ пошлый бульварный оттенокъ. Въ ней нѣтъ ни быта, ни живыхъ лицъ, ни драматическихъ положеній.

Единственное достоинство пьесы это литературный языкъ.

Играютъ пьесу такъ, что недостатки еще подчеркиваются.

Общій тонъ исполненія вульгарный, скверно развязный. Г-жа Мартынова хорошая сочная артистка для ролей бытовыхъ, но она слишкомъ мягкотѣла для жесткой, властной м-ме Давидъ.

Г-жа Дымова совсѣмъ вульгаризируетъ роль и неприятно развязна.

Г-жа Аренцваръ лучше другихъ.

Г-жа Романовская слащаво величественна.

Г. Кручининъ похожъ на мелкаго приказчика, а не на Лидвалъ.

Г. Чарину по по себѣ въ нелѣпой роли какого-то Холмса изъ Чухомы.

Есть хорошіе искорки у г-жи Горевой.

Г. Горяпповъ очень подуренъ въ роли свѣтскаго сутопера.

Постановка очень искуднѣва.

Отъ нея отдаетъ очень далекой провинціей, отъ этихъ „лавильоновъ“ и мебели.

Льв.

Театральная критика и „ночной“ репортажъ. У Зимина начались гастроли В. В. Любо, который по обыкновенію сопровождается огромнымъ успѣхомъ у публики и единодушными похвалами прессы.

Въ дружномъ хорѣ хвалебныхъ отзыовъ рѣзкимъ диссонансомъ звучатъ репортерскія „ночныя“ замѣтки „Русскаго Слова“ о г-жѣ Любо въ „Травіатѣ“.

„Выступившую вчера въ Солдовниковскомъ театрѣ г-жу

Театръ Незлобина. „Мелкій Бѣсъ“.

Г. Бѣлгородскій—Передоновъ.

Рисунокъ В. Татищева.

Люде мы затрудняемся причислить къ представительницамъ чистаго колоратурнаго искусства“.

Ночной репортеръ затрудняется, а такой музыкальный критикъ, какъ Семенъ Гругликовъ, не „затруднялся“—и въ томъ же „Русскомъ Словѣ“ писалъ:

„Серебристое сопрано пѣвицы обработано на славу! О самомъ голосѣ, о блескѣ его колоратуры не распространяюсь. Повторяться не желаю“.

„Ея небольшой, узкій и сухой по тембру голосъ въ тяжелой колоратурѣ (курсивъ нашъ) теряетъ послѣднюю пѣвучесть, а въ верхнемъ регистрѣ приобретаетъ визгливый отгѣнокъ“.

Такъ говоритъ ночной репортеръ.

А вотъ, что пишетъ почтенный музыкальный критикъ Н. Кашкинъ въ томъ же „Русскомъ Словѣ“:

„У г-жи Люде очень обширный по протяженію голосъ (курсивъ нашъ), достигающій крайнихъ высотъ, и притомъ она владѣетъ превосходной колоратурой, позволяющей ей замѣчательно хорошо выделять всякія трели и staccato“.

Внимательный читатель подумѣваетъ, невнимательный—обстоятельныхъ рецензій не читаетъ, а удовлетворяется ночной запиской,—и если не былъ на спектакль, то вѣритъ ей.

А такъ какъ невнимательныхъ читателей больше, чѣмъ внимательныхъ, то г.г. почтенные репортеры оказываются вершителями театральнаго судьбы...

Рекомендуемъ редакціямъ газетъ обратить наконецъ свое просвѣщенное вниманіе на это, какъ выражаются г.г. журналисты, „уродливое явленіе“, въ современной прессѣ.

А что касается то упомянутого выше ночного „лихача-репортера“, то—да будетъ ему стыдно!

Альмавива.

КАПЛЯ ЖИВОЙ ВОДЫ.

Гдѣ-то, когда-то я слышалъ сказку.

Добрая фея кропнѣтъ людскую толпу живой водой и тѣ, на которыхъ попадаютъ брызги, становятся счастливыми.

Тоже самое можно сказать и о талантахъ,—на нихъ тоже падаетъ капля живой воды изъ рукъ Музы и они выделяются изъ стѣрой обывательской толпы.

Брызги таланта попадаютъ въ самыя неожиданныя мѣста, иногда даже за тупыя монастырскія стѣны и тамъ подъ клобукомъ тоже загораются искры живого дарованія и рвутся на свободу. Такъ было съ Н. В. Плевицкой, исполнительницей русскихъ пѣсень, поднизающейся пылъ въ Москвѣ.

У нея нѣтъ никакой школы, нѣтъ развитаго музыкальнаго вкуса, нѣтъ верхняго регистра иъ голосѣ, но есть искра Божія, благодаря которой она захватываетъ и покоряетъ даже накрахмаленную въ Лондонѣ великосвѣтскую публику.

Пѣвица душой переживаетъ все то, о чемъ поетъ и отсюда получаются та дивная по искренности и силѣ передача, которой не достаетъ очень и очень многимъ окончившимъ консерваторію съ золотыми медалями.

Типичное русское лицо г-жи Плевицкой во время пѣніи становится одухотвореннымъ, дышетъ вдохновеніемъ и обаятельно красиво. Но „мигъ одинъ и нѣтъ волшебной

сказки“,—пѣвица замолчала и передъ вами скромная и самая обыкновенная русская женщипа...

Одно, на что слѣдовало-бы обратить вниманіе г-жи Плевицкой, это на ея репертуаръ, въ которомъ есть много фабрично-пошловатаго. Русская пѣсня такъ неисчерпаема богата, наши композиторы сумѣли придать ей столько разнообразныхъ новыхъ формъ, что при желаніи г-жа Плевицкая могла бы составить себѣ большой репертуаръ, не грѣшащій противъ настоящаго хорошаго вкуса.

Сер. Мамонтовъ.

Насъ проситъ напечатать отчетъ по вечеру «Всероссійскаго Союза Сценическихъ дѣятелей», устроенному 3-го января 1910 г. въ Охотничьемъ клубѣ, для образованія фонда въ организующемся «Кружкѣ Помощи Нуждающимся Сценическимъ Дѣятелямъ».

Отъ продажи билетовъ выручено... Руб. 3738.30

Отъ продажи программъ, цвѣтовъ и шампанскаго, отъ буфета и отъ пожертвованій поступило..... „ 2250.10

Валовой приходъ... Руб. 5988.40

Израсходовано на наемъ помѣщенія, устройство его, печатаніе билетовъ, программъ и афишъ, марки благотворит. сбора и проч.... Всего Руб. 1604.72

Чистаго дохода съ вечера поступило Руб. 4383.68

Устроители вечера приносятъ глубокую благодарность г.г. артистамъ и артисткамъ, съ рѣдкой отзывчивостью участвовавшимъ въ вечерѣ въ качествѣ исполнителей: Н. К. Авериню, Н. Н. Асланову, П. Ф. Баліеву, М. М. Блюменталь-Тамариной, А. Г. Блюмъ, М. В. Бочарову, П. М. Бравню, Е. А. Бураковской, П. В. Бѣлгородскому, Е. В. Вильбушевичу, Вороницкой, П. Л. Бульфу, Е. А. Вѣковской, Н. Д. Вѣкону, А. Гореву, Е. М. Гриневской, Н. О. Гриневскому, Н. С. Ермоленко-Южиной, Н. Н. Званицеву, Р. А. Карелиной-Рантъ, К. В. Кручинной-Годзи, М. П. Лаксъ, В. В. Лужскому, Гоариз-Мамп-Коньянъ, Матову, И. М. Москвину, Н. С. Олеини, М. Н. Ртищевой, А. Н. Сараговымъ, В. В. Тезавровскому, И. М. Уралову, Финперу, Хейкинъ, В. Д. Шумскому и друг. Дирекціямъ театровъ: А. Э. Блюменталь-Тамарины, С. П. Зинца, Ф. А. Корша, К. Н. Незлобина, С. Ф. Сабурова и «Художественнаго» за любезное разрѣшеніе артистамъ участвовать въ вечерѣ: участникамъ Рождественскаго уголка—Г. П. Арбеллину, А. Н. Аргутинскому, Арени, А. П. Воронникову, Зайцеву, Либро, Е. Д. Фовъ-Мансфельдъ, В. И. Малыеву, Б. А. Орлицкому, А. С. Репенскому, К. А. Соловьевой, В. К. Станиславскому, А. Н. Третьяковой, Е. Н. Щенкиной, В. Е. Юратовой и С. А. Яковлеву; г-жамъ В. А. Митрофановой, М. К. Долганевой, Е. И. Заводской, А. А. Лешинной, Н. П. Михелось, О. Н. Невѣровой, К. Я. Терентьевой, О. Д. Царской, взявшимъ на себя трудъ по продажѣ программъ, цвѣтовъ и шампанскаго: художникамъ В. К. Татищеву, В. Н. Уварову, Г. В. Якулову, распорядителямъ С. П. Годзи, Васильеву, К. Ф. Елиной, Е. Г. Кермелъ, Н. В. Княгининой, К. И. Карѣеву, Е. А. Маркову, С. А. Соболеву, К. И. Сперанскому, А. М. Суслову, К. П. Топоркову, В. В. Ускову, С. А. Флорсову, С. В. Шервинскому, В. В. Шмидтъ и друг.: завѣдывавшему контролемъ буфета М. Цыганкову; гл. управ. фирмы „Ирра“ П. Э. Шейнлеру за пожертвованіе шампанскаго, дирекціи театра К. Н. Незлобина за доставленіе безвозмездно холста, красокъ, бутафоріи и проч., редакціямъ газетъ „Русскія Вѣдомости“ и „Русское Слово“ и типографіи А. А. Лавенсонъ, сдѣлавшимъ уступку на публикацію о вечерѣ; фирмѣ „Инженеръ Я. М. Маслениковъ и Ко“ за пожертвованіе матеріаловъ для устройства электрическихъ эффектовъ и всѣмъ лицамъ, какъ сдѣлавшимъ денежныя пожертвованія, такъ и искически содѣйствовавшимъ успѣху.

Устроители { Ю. В. Васильева.
В. В. Максимовъ.
П. Н. Мамонтовъ.

Петербургъ.

М. Г. Савина послѣдніе дни больна невралгіей.

Несмотря на болѣзнь, артистка аккуратно посѣщаетъ репетиціи и играетъ свои пьесы.

Въ чеховскомъ вечерѣ, устраиваемомъ 16 января въ залѣ Геншьева литературнымъ фондомъ, примутъ участіе: приватъ-доцентъ г. Андриповъ (вступительное слово), д-ръ Валабанъ, Баранцевичъ, Варламовъ, В. П. Давыдовъ, Мичурина, Пе-

тровский, Савина, Самофлов, Ходотовъ, д-ръ В. Чеховъ и др.

Вечеръ будетъ посвященъ чтенію и исполненію отрывковъ изъ произведеній покойнаго писателя.

Говорить, что для балета „Ручей“ была сдѣлана по просьбѣ В. А. Трефиловой, оркестровая репетиція.

Столь безпримѣрный въ нашемъ балетѣ фактъ объясняютъ тѣмъ, что на время своего продолжительнаго отдыха г-жа Трефилова перзабыла всѣ свои балеты.

Оркестръ ужасно недоволенъ г-жей Трефиловой, виновницей неожиданной репетиціи.

М. Ф. Кнеспинская станцуетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ еще шестъ разъ.

Лѣтний балерина по всей вѣроятности будетъ танцовать въ Паркѣ у С. Д. Дягилева. „Мирные переговоры“ между ней и Дягилевымъ находятся, по слухамъ, на пути къ благополучному окончанію.

Выяснилось, что Дягилевъ повезетъ на 1½ или 2 лѣтнихъ мѣсяца въ Парижъ оперы „Хованщина“, „Псковитянка“, „Бор. Годуновъ“, и всѣ—съ участіемъ Шампльва. Послѣ Парижа рус. оперы сезоны начнутся въ Лондонѣ, откуда Дягилевъ направится въ Брюссель съ тѣмъ же составомъ.

Театръ „Сказка“ (отъ собств. корресп.). Подъ такимъ заманчивымъ названіемъ открылся 26 декабря новый театръ Э. В. Холмской на Галерной ул. (№ 33), въ домѣ Шебеко. Роскошно убранный въ стилѣ рококо залъ, громадные зеркала, лѣбныя по стѣнамъ фигуры, уютная сцена, красивый зимній садъ—все чаруетъ взоръ, вызывая грезы, мечты, фантазіи.

Девизъ новаго театра потолько „сны золотые навѣвать“, но и показавъ зрителю все, что способно вызывать волненіе въ области чловѣческихъ переживаній. Репертуаръ составленъ преимущественно изъ твореній О. Уайльда, Гофмана, Поэ, Андерсона и т. п. Въ день открытія шли три пьесы, изъ коихъ лучшей по изяществу и граціи слѣдуетъ считать „Принцессу и Свинопаса“ (сочин. Эзіо, сестры талантливой Тэффи)—сказку о томъ, какъ отвергнутый принцессою „прекрасный принцъ“, переклѣвшись поселяниномъ, поступаетъ въ свинопасы къ ея отцу-королю, увлекаетъ принцессу музыкою своихъ волшебныхъ котелка и трещетки до того, что она соглашается купить у него ихъ за десятки поддѣлуевъ, и—узнавши нѣтренность своей „избранницы“, готовой даже выйти замужъ за свинопаса,—отказывается отъ нея и покидаетъ ее.

Сказочно-наивной, милой, интересной принцессой была г. Сперанская и выдержанно провелъ роль принца г. Андр. Бурлака. Тиничель-король—г. Стрѣлковскій.

Затѣмъ, съ интересомъ смотритъ глубокая по содержанію, но нѣсколько растянутая многословностью „Сказка“ Андр. Немолевскаго (пер. съ польск.), поставленная вмѣсто запрещенной дѣвушкою передѣланной изъ „Лороя“ Уайльда пьесы.

Философъ-юноша (Стрѣлковскій) послѣ тяжкаго раздумья надъ загадками міросозданія встрѣчаетъ красивую дѣвушку—Молодость (г. Ваторская) и, увлекшись ею, находитъ и Счастье (г. Сперанская)—крылатого нѣжнаго Ангелочка... Вдругъ сильный ударъ грома и... жестокий кузнецъ—Жизнь (г. Реутовъ) лишаетъ юношу грезъ, уводя на путь страданія, труда и борьбы... Счастье и Молодость бѣгутъ за нимъ, чтобы спасти, помочь въ минуты горя, но на пути встрѣчаютъ скорбную женщину—Смерть (г. Каленева), къ которой попадаетъ вырвавшийся отъ Жизни усталый, измощенный юноша, въ ледяныхъ объятіяхъ смерти успокаивающійся вѣчнымъ сномъ. Третья пьеса „Ванделинъ“ (весеня. сказка въ 3 д. М. Лохвицкой)—написанъ недурными стихамъ, мѣстами поэтична, красива, но растянута и—порою—оставляетъ тягучее впечатлѣніе. Постановка режиссера бар. Унгсрихъ стильная, изящная, выдержанная.

Декорации красивы, музыка—мехолична и... успѣхъ у публики, въ большомъ количествѣ собравшейся на открытіе новаго театра, былъ вполне обезпеченъ, вызывая шумные аплодисменты всего зрительнаго зала.

Малый театръ (отъ собств. корресп.). Возобновленіе пьесы въ 5 д. І. І. Кольцо „Большой чловѣкъ“—прошло съ успѣхомъ. Выдержано ведетъ роль Ишимова г. Нерадовскій, эффектна г. Троянова (Ирина Инк.) и въ вѣрныхъ тонахъ, естественно, красиво очерчиваетъ Дюпана г. Свѣтловъ. Игра его обдуманна, всѣ мелкія детали исполненія заштрихованы умно и талантливо. Типичель г. Михайловъ (кн. Смольный) и г. Чубинскій (бар. Вайсенштейнъ). Хорошъ г. Быховецъ-Самаринъ (Переперевъ).

Литейный театръ пзмѣнилъ свою програму grand guignol'a оставивъ на долю „ужасовъ“ только нѣбольшую часть спектакля и остальное заполняя комедіей, фарсомъ съ заклячатымъ „дессертомъ“ въ видѣ веселой оперетты-пародіи съ пѣніемъ и плясками.

Съ большимъ успѣхомъ дебютировала въ небольшой пьесѣ „Танцовщица“ г. Антопова, оставившая подмостки фарса и перекочевавшая въ Литейный театръ. Артистка, выступившая, кажется, впервые въ дарматической роли, весьма недурно

справилась съ нею и только, къ сожалѣнію, вставной „танецъ семи покрываль“ затуманивалъ своимъ „блескомъ“ первый успѣхъ г. Антоновой, какъ серьезной драмат. артистки.

Вторая новинка „Чай съ ромомъ“ оказалась пустынькой, хотя веселой комедіей съ вычурнымъ сюжетомъ, которую бойко и красиво исполнили г. Овчинская и гг. Бенкій и Звѣздичъ.

Шумнымъ успѣхомъ пользуется у публики пародія на оперетту „Тайна колодца“. Авторъ (П. Вейнбергъ) подчеркнул сугубо разношерстную пестроту обычнаго „сюжета“ съ герцогами, обронившими документы, и фермерами, поющими про интенданство и т. п. И хотя остроуміе „пародіи“ не на высотѣ, но зрители легко реагируютъ на потѣшные мѣста „Тайны колодца“ и благодаря красочному, шумному, веселому воишнему колориту оперетты она смотрится мѣстами не безъ интереса.

Вас. Базилевскій.

Театръ Незлобина „Мѣлкій Бѣсъ“.

Г. Нероновъ-Передоновъ.

Шаржъ Малютина.

Мелочи театральной жизни.

Драматургу, написавшему новую пьесу, которую онъ читалъ недавно у одной премьерши, рекомендовали въ цензурѣ выпустить первый актъ; театральныи комитетъ высказался противъ втораго, а премьершѣ не правится третій. Надо всѣмъ угодить.

Что останется, если въ пьесѣ всего три акта?

Задача для дѣтей малагого возраста.

Въ петербург. балетѣ по поводу предстоящаго выступленія оперной примадонны М. Н. Кузнецовой въ роли Клеопатры въ балетѣ „Египетскія ночи“ цѣлая буря!

— Это кровное оскорбленіе для всего балета!—говорятъ танцовщицы.—Можно подумать, что, кромѣ Барашъ, у насъ нѣтъ ни одной мимической артистки.

Прп этомъ танцовщицы называютъ цѣлый рядъ своихъ товарокъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы съ успѣхомъ замѣнить г-жу Барашъ... Припоминаютъ постановку „Фауста“, съ Вальпургіевои ночью, гдѣ тоже имѣется роль Клеопатры.

М. И. Петипа не пошелъ искать Клеопатру въ оперу, а

Театр Незлобина. „Мелкій Бѣсъ“.

Г-жа Васильева—Варвара.

Шарж Малютина.

выбралъ одну тавцовщицу, которая съ помощью гримма дала вполне подходящій образъ.

Обиженные жрицы Терпсихоры пошли объясняться съ самой г-жой Кузнецовой.

Примадонна отвѣтила, что она тутъ не при чемъ и исполняетъ лишь желаніе В. А. Теляковского и М. М. Фоккина.

Такъ какъ танцовщицы очень раздражены, то весьма возможно, что онѣ привлекутъ г-жу Кузнецову къ „суду чести“ или даже вызовутъ ее на дуэль...

Оригинальный багажъ. 600 артистовъ въ багажномъ вагонѣ!!.. такъ значилось по багажной квитанціи и администрація жел. дороги была по истинѣ пзумлева столь страннымъ способомъ переправы сценическихъ дѣятелей. Когда вагонъ распечатали—въ немъ оказалось 600... механическихъ куколъ, составляющихъ „труппу“ театра „Оживленныхъ куколъ“, открывающаго свои гастроли въ Новомъ театрѣ въ Петербургѣ.

Куклы поютъ, играютъ и тавцуютъ, исполняя полностью цѣлыя пьесы, опереты („Гейша“, „Веселая вдова“), балетные и цирковые номера и отдѣльные куплеты.

—Въ Берлинѣ поставили оперу „Ной“, посмертное соавѣстное произведеніе Галевн и Визе. Дѣйствие происходитъ до потопа; фигурируютъ: праотецъ Ной, жена его, сынъ Хамъ и падшій ангелъ. За связь послѣдняго съ женой Ноя и возникаетъ въ видѣ возмездія потопъ; картины потопа переданы авторомъ „Кармевъ“ въ финалѣ оперы въ потрясающихъ мощныхъ звукахъ.

—Недавно на югѣ происходилъ литературно-судебный диспутъ—судъ надъ „Анфисой“ Л. Андреева. Этотъ диспутъ послужилъ провинціальному актеру В. А. Викторскому фабулою для пьесы „Авфиса на скамьѣ подсудимыхъ“.

Можно себя представить, что это за „шедовръ“!

Письма въ редакцію.

Милостивый государь г. редакторъ.

Покорнѣйше прошу не отказать помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ мое письмо, въ которомъ я хочу освѣтить истину гибели серьезнаго дѣла, которое могло кормить цѣлый рядъ сезоновъ не одинъ десятокъ людей. Годъ тому назадъ я заарендовала новый большой строящійся театръ въ

городѣ Екатеринодарѣ срокомъ на три года, т.-е. по 1 мая 1912 года, съ тѣмъ, что первый сезонъ должна дать оперу или оперетку. Составивъ труппу за 5 мѣсяцевъ до начала сезона, т.-е. до 1 октября 1909 года, я занялась оборудованіемъ театра въ полномъ его объемѣ, такъ какъ театръ сияла безъ декораций, бутафорій, мебели и т. под. Какъ организаторъ всего дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ главный режиссеръ, мною были приглашены артисты Ливенчъ, который съ честью выполнялъ всю задачу, подъ его руководствомъ была оборудована въ совершенствѣ сцена. 1 Октября 1909 года открылся сезонъ, смѣло можно сказать, серьезнаго предпріятія, доказательствомъ чему служатъ отзывы во всѣхъ газетахъ Екатеринодара. Поставивъ все на ноги и затративъ до 25,000 руб., мы оставалось только работать, конечно, опираясь на поддержку тѣхъ лицъ, которые служили у меня, а ихъ было до 150 человекъ. Но тутъ-то и пришлось вспомнить старую пословицу, что „семья не безъ урода“; ихъ у меня оказалось даже не одинъ, а нѣсколько, люди, которые по склонности своей души не могутъ проработать болѣе двухъ мѣсяцевъ, чтобы не нагадить всѣмъ сослуживцамъ, предпринимателю и загрязнить все чистое. Каюсь, сама виновата, такъ какъ меня предупреждали: „во берите гг. До—ва, Ст—на и Еп—ва, такъ какъ они причиняютъ большое зло“, по я не повѣрила слухамъ, о чемъ глубоко сожалѣю. Дѣло шло благополучно, хору оркестру и всѣмъ служащимъ платилось полнымъ рублемъ, а артистамъ па кругъ по 70 коп., это при двойныхъ окладахъ, которые получали почти всѣ безъ исключенія. Доведя дѣло до 20-го декабря, мой уполномоченный пригласилъ всю труппу, которой предложилъ подождать до праздниковъ и 7-го января с. г. получить сполна. Но тутъ-то, къ вышеупомянутымъ тремъ лицамъ (которымъ, кстати сказать, было уплачено все по 15 декабря), присоединился одивъ неудачникъ-антрепренеръ. Они образовали компанію и обваделили артистовъ, что если они перейдутъ на товарищество, то имъ немедленно будетъ выданъ полумѣсячный авансъ и они блестяще кончатъ сезонъ. Артисты поддались на эту удочку противъ желанія оркестра и хора, который честно работалъ все время, сорвали спектакль 20-го декабря, устроивъ настоящую забастовку; не явились въ театръ, несмотря на совершенно неожиданный большой сборъ въ этотъ вечеръ, благодаря большому прїѣзду изъ области передъ праздниками. Если бы въ этотъ вечеръ играли, то за этотъ вечеръ имъ же было бы роздано свыше тысячи рублей. Сорвавъ спектакль, на другой день заявили, что они считаютъ себя свободными отъ службы у меня, якобы за неплатежъ полностью жалованья, а за педѣлю до этого при раздачѣ имъ денегъ одиогласно говорили, что идутъ навстрѣчу дѣлу, такъ какъ передъ праздниками трудно платить, а праздники все окупятъ. Сдѣлавъ заявленіе о нарушеніи контракта, начали писать всякія пасквили въ газетахъ, устраивали засѣданія, шумѣли, дошли до венриппчія; напримѣръ, г. Порубиневскій и г. Елифавовъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ всего происшедшаго, отправились въ гостиницу, гдѣ жилъ Ливенчъ, напались въ буфетѣ и не постѣснялись прислать Ливенчу счетъ за выпитую водку, желая этимъ вызвать Ливенча на публичный скандалъ. Организаторы же перерота тѣмъ временемъ не зѣвали и, достигнувъ переговоров о товариществѣ до кануна праздниковъ, предложили всей труппѣ безъ исключенія 50 коп. за рубль и платить жалованье съ 26-го декабря. Очутившись въ критическомъ положеніи, артисты волей-неволей согласились на эту ловушку и погубили дѣло большое и серьезное, на которое кромѣ полуторогодового труда и энергій потрачено предварительно 25,000 руб. и выплачено труппѣ, за театр и вечеровые расходы свыше 45,000 р. при валовомъ сборѣ съ 1-го октября 1909 года по 20-е декабря 1909 года въ суммѣ 37,000 руб.: значить, общій убытокъ отъ дѣла болѣе 32,000 рублей. (Всѣ цифровыя данныя могу подтвердить книгами, счетами и расписками.) Вотъ какъ безбожно отпосится къ дѣлу сами артисты, убѣждавъ съ каждымъ годомъ въ унадрѣ опернаго дѣла въ провинціи и вмѣсто поддержки дѣла дружной работой, окончательнѣо уничтожаютъ всякое желаніе браться за оперное предпріятіе.

Пишу эти строки съ душевною болью за мое погибшее дѣло, создавая которое, я стремилась честно и съ любовью служить ему совмѣстно съ моими сотрудниками, и горько въ этомъ ошиблась.

Съ истиннымъ уваженіемъ къ вамъ

А. Н. Шперлингъ.

М. г. г-нъ редакторъ!

Не откажите помѣстить слѣдующее:

Прошу товарищей по сценѣ, знающихъ настоящій адресъ и мѣсто служенія сестры моей Славы Адамовны Муратовой (Гротто-Маковской) сообщить мнѣ по адресу: Ельня, Смол. губ., театръ К. А. Гротто-Маковской (дослать), за что заранѣе приношу благодарность.

Примите увѣреніе въ призвательности.

Маковская.

Городской Введенский Народный Домъ. „Ивановъ“ А. П. Чехова.

4-й актъ.

Постановка П. П. Лучинина.

М. г. г-нъ редакторъ!

Въ № 1 уважаемаго журнала „Рампа и Жизнь“ помѣщена корреспонденція изъ Одессы, за подписью Г. М. Д., въ которой, между прочимъ, говорится, что жена моя (артистка Кручинина) и я, въ числѣ другихъ пайщиковъ, снимаемъ большой лѣтній театръ Общества Трезвости. Считаю долгомъ заявить, что ни жена моя ни я не только не снимаемъ означеннаго театра, но никогда о томъ и не помышляли. *)

Съ почтеніемъ С. Валуа.

М. г. г-нъ редакторъ!

Прошу помѣстить въ вашемъ журналѣ слѣдующее:
Не имѣя возможности лично благодарить всѣхъ, почтившихъ меня привѣтствіями въ день моего юбилея, приношу такую чрезъ уважаемый журналъ. День этотъ принесъ мнѣ много радости и надолго будетъ памятенъ.

З. Малиновская.

Письма изъ Кіева.

VI.

Въ бенефисъ Е. Я. Недѣлина, единственнаго учѣтлившаго изъ славной соловковской плеяды, поставили комедію Скриба „Лѣстница славы“. Въ огромномъ „театрѣ“ французскаго драматурга эта пьеса („La Samagaderie“) занимаетъ одно изъ второстепенныхъ мѣстъ и особеннаго интереса не представляетъ. Скрибъ вообще не удался серьезная политическая сатира; для этого онъ былъ слишкомъ поверхностенъ и ничтоженъ. Въ двухъ или трехъ только пьесахъ (изъ трехсотъ, имъ написанныхъ) онъ яляется въ роли общественнаго обличителя.

Но эти попытки неудачны и неинтересны. Стремленія автора дать въ „Samagaderie“ сатиру на предвыборную агитацию будущихъ депутатовъ не достигли результатовъ: вмѣсто бичующей сатиры получился растянутый фарсъ. Занятенъ скрибовскій діалогъ, мѣстами остроумный, всегда живой, въ жамрѣ младшаго Дюма, только сортомъ похуже. Скрибъ хорошо звалъ сцену и прекрасно представлялъ свои ничтожные сюжеты со сценическихъ подмоштовъ. Но и въ этомъ отношеніи онъ давно превзойденъ цѣлымъ рядомъ своихъ послѣдователей—Лаведаномъ, Бріэ и другими.

Возобновленіе его пьесъ не представляетъ поэтому серьезнаго интереса и неизвѣстно, зачѣмъ кіевская дпрекція извлекла изъ театрального архива это произведеніе.

Бенефициантъ, опытіишій и талантливый артистъ, повторилъ здѣсь одну изъ многочисленныхъ своихъ сценическихъ фигуръ французскаго театра. Прекрасный Наполеонъ въ комедіи Сарду, неподражаемый Пума Руместанъ, Поль Астьо, Оливье де-Жалепъ, г-нъ Недѣлинъ сыгралъ на здѣшней сценѣ длинный рядъ французскихъ ролей и въ „Samagaderie“ онъ далъ сколокъ съ давно намъ знакомыхъ сценическихъ фигуръ его работы. Онъ былъ изященъ и несель и въ мѣру суетливъ. Очень интересенъ г-нъ Дагмаровъ-Жукопъ,

*) Редакціей получены отъ лица, сообщившаго означенныя свѣденія, извѣщенія о томъ, что авторъ замѣтки былъ введенъ въ заблужденіе.

актеръ хорошаго тома, второй сезонъ украшающій здѣшнюю сцену. Его Оскаръ Риго прямо очарователенъ; по внѣшности, манерамъ, аллюрамъ, костюму и интонаціямъ онъ необычайно былъ похожъ на юнея премьеръ изъ театра „Атэнъ“, фамилію котораго сейчасъ не припомню. Очень тонко, съ чисто-савинской кружевной отдѣлкой играетъ здѣсь г-жа Пасхалова. Оказалось, что комическія ситуаціи проводятся актрисой не менѣе удачно, чѣмъ положенія сильно драматическія.

Андреевская „Аватэма“, поставленная для поправленія дѣлъ, дала нѣсколько полныхъ сборовъ. Не останавливаясь на самой идѣѣ, получившей своевременно справедливую оцѣнку на страницахъ „Рампы“, долженъ сказать, что на нашей сценѣ пьеса поставлена и сыграна плоховато.

Декораціи, народныя сцены, танцы и вся mise-en-scène не представляютъ абсолютно никакого интереса. Все это неудачныя попытки скопировать по фотографическимъ снимкамъ Финшера постановку Художественнаго театра. Крайне слабо написаны декораціи пролога и зала у разбогатѣвшаго Давида Лейзера—претенціозно и безвкусно. Хорошо сыграна роль Давида Лейзера г-мъ Павленковымъ; получается характерная фигура, нарисованная во весь ростъ съ прекрасными бытовыми подробностями. Роль ведется въ прекрасныхъ минорныхъ тонахъ, и вся печальная гамма звучитъ у артиста съ необычайной экспрессіей. У зрителей навертывались слезы на глаза, когда Давидъ Лейзеръ вспоминалъ своего „маленькаго Мойше“... Очень хороша еще г-жа Чаруская какъ по общей концепціи роли, такъ и по тому и интонаціямъ. Здѣсь, какъ и въ „Вѣлой кости“ Шолома Аша, артисткѣ удалось въ предѣлахъ художественной правды создать яркій образъ разбогатѣвшей еврейской дѣвушки — рагченіе, обнаглѣвшей на золотомъ мѣшкѣ. На протяженіи обѣихъ ролей у артистки разсыпано много сценическихъ хорошихъ деталей и бытовыхъ подробностей. Изображаемая среда, повидимому, хорошо ей знакома. Г-жа Чаруская вообще сдѣлала большіе успѣхи и въ настоящее время представляетъ собою весьма интересную актрису на роли молодыхъ женщинъ комическаго и несложнаго драматическаго типа...

Я. Майскій.

Провижія.

Гор. Вознесенскъ, Херсон. губ. (Отъ нашего корреспондента). Темой разговоровъ среди мѣстныхъ театраловъ служитъ поднятый въ городской управѣ вопросъ о капитальномъ ремонтѣ и переустройствѣ нашего городского театра.

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ вопросѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое нашего театра.

Театръ этотъ былъ построенъ военнымъ вѣдомствомъ въ 1837 году по образцу казарменной архитектуры николаевскаго времени, но по своей внутренней отдѣлкѣ онъ поражалъ изысканной роскошью; да и неудивительно — въ 1837 году продолжительное время жилъ въ Вознесенскѣ Николай I. Во время его пребыванія въ театрѣ подвизалась такая крупная артистическая величина, какъ Щепкинъ (въ труппѣ Ерохина).

Въ шестидесятыхъ годахъ театръ былъ переданъ мѣстному городскому самоуправленію, которое варварски поступило съ театромъ, сломавъ сцену и ложи и отдавъ зданіе подъ ссыпку зернового хлѣба. Такъ дѣло обстояло до 1900 года, когда наши „отцы города“ рѣшили опять воздвигнуть въ театрѣ жертвенникъ Мельпоменѣ; былъ сдѣланъ кое-какой ремонтъ, и театръ начали отдавать подъ спектакли. Играть же не было никакой возможности за неимѣніемъ болѣе или менѣе сносныхъ декорацій. Но, несмотря на это, на сценѣ нашего театра играли почти всѣ корифеи украинской сцены, дали два спектакля въ 1904 г. даже бр. Адельгеймы.

Въ 1908 году театръ былъ отданъ въ аренду на одинъ годъ за 1200 руб. подъ устройство иллюзіона; арендаторъ устроилъ электрическую станцію, которой и освѣщается театръ до сихъ поръ.

Въ настоящее время, когда проводится здѣсь желѣзная дорога, которая соединитъ насъ съ такими культурно-промышленными центрами, какъ Москва и Одесса, нашему городу и театру предстоитъ блестящая будущность.

Сознвая все это, городская управа теперь занята составленіемъ смѣты на ремонтъ и оборудованіе театра, которые обойдутся городу, по предварительному подсчету, тысячъ въ 12—15. Если дума утвердитъ этотъ проектъ управы, то съ 1-го марта т. г. будетъ приступлено къ работамъ.

А. И. Крамовъ.

(Къ 30-лѣтію сцен. дѣятельности).

Въ концѣ декабря прошлаго года городъ постигла драматическая труппа г. Фебера, которая дала на сценѣ городского театра 5 спектаклей: „Дни нашей жизни“, „Анатэма“, „Анфиса“, „Дѣти XX вѣка“ и „Синяя птица“. Декораціи труппа привезла съ собою. Всѣ пять спектаклей прошли съ небывалымъ въ Вознесенскѣ какъ художественнымъ, такъ и матеріальнымъ успѣхомъ. Взято на кругъ по 400 руб., т.-е. всѣ спектакли дали полные сборы.

Гр. Лонинъ.

Екатеринославъ. (Отъ нашего корреспондента.) Въ концѣ ноября закончившія гастроль В. Ф. Коммиссаржевской внесли большое оживленіе въ нашъ театальный сезонъ. Въ продолженіе пяти дней, зрительный залъ переполнялся публикой, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившей за игрой В. Ф., восторженно встрѣчавшей и провожавшей артистку. Съ наибольшимъ художественнымъ успѣхомъ прошли: „Нора“ Ибсена и „Бой бабочекъ“ Зудермана. Съ наименьшимъ — „Пиръ жизни“ Пишибшевскаго. Фигура несчастной Ганки, съ ея мучительной раздвоенностью, съ ея тревожными стремленіями, была слишкомъ блѣдно очерчена г-жей Коммиссаржевской, не давшей въ этой роли ничего, кромѣ отлѣсныхъ красивыхъ моментовъ. Поставлены были также „Хозяйка гостиницы“ Гольдони и „Огни Ивановой ночи“ Зудермана.

Гастролировавшая труппа талантами не блещетъ. Изъ партіонровъ г-жи Коммиссаржевской нѣсколько выдѣляются лишь гг. Нароковъ и Аркадьевъ.

Съ отъѣздомъ В. Ф. Коммиссаржевской возобновились спектакли труппы Е. М. Боярской. Отношеніе къ нимъ публики попрежнему холодное. А между тѣмъ, по своему составу труппа значительно лучше тѣхъ, что были у насъ въ прошломъ и позапрошломъ году. Въ ней такіе солидные силы, какъ г-жи: Весновская, Львова, Пояркова; гг. Карамзовъ, Деома, Цвеленевъ. Хороша и постановка большинства пьесъ режиссеромъ Бѣлозерскимъ. Равнодушіе публики можно объяснить лишь репертуаромъ. Въсѣмъ обшараннымъ русскимъ и иностраннымъ классикомъ идутъ обыкновенно неинтересныя и пустыя вещицы. То „Король Камеруны“, то „Лига свободной любви“, то „Убийство въ отелѣ Бристоля“.

Пора бы уже понять репертуарной комиссіи, что постановкой подобныхъ вещей нельзя ни удовлетворить нашу публику, ни даже заманить ее въ театръ.

На-дняхъ состоится нѣсколько спектаклей опереточной

труппы Е. А. Бѣляева. Поставлены будутъ новинки послѣдняго сезона.

Въ началѣ декабря прошли съ успѣхомъ два концерта: Каміонскаго и А. Д. Вьяльцевой. Послѣдній при участіи тенора Носкова, Таскина и баритона Полякова — симпатичнаго пѣвца съ будущностью. Каміонскій, какъ всегда, блеснулъ и школой и звукомъ. Несмотря на сильно возвышенныя цѣны, публики на обоихъ концертахъ было очень много.

На-дняхъ состоялся концертъ Яна Кубелика.

С. И. Найснй.

Кіевъ. Товарищество артистовъ кіевской оперы подъ управленіемъ режиссера Н. Н. Боголюбова организовало на лѣтній сезонъ поѣздку. Маршрутъ: Полтава, Екатеринославъ (мѣсяцъ), Мариуполь, Керчь, Симферополь, Севастополь, Ялта, Феодосія, Екатеринодаръ (августъ мѣсяцъ). Начало сезона съ 1-го мая.

Каменецъ-Подольскъ. (Отъ нашего корреспондента.) 20-го января 1910 года исполнится 30-лѣтіе сценической дѣятельности хорошо извѣстнаго театальному міру артиста и режиссера Александра Іосифовича Крамова.

А. І. родился въ г. Житомирѣ, получивъ образованіе въ тамошней гимназіи, по окончаніи которой перешелъ въ Кіевскій университетъ. На сценѣ А. І. выступилъ въ первый разъ въ своемъ родномъ городѣ у антрепренера П. М. Шаменко-Надимова, нынѣ покойнаго. Молодой артистъ сразу обратилъ на себя вниманіе.

Въ слѣдующемъ году А. І. уже на первомъ амплуа въ Херсонѣ и затѣмъ послѣдовательно въ Николаевѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Гроднѣ, Самарѣ, Оренбургѣ, Москвѣ (Никитскій театр), Мариуполѣ, Бердянскѣ, Ковнѣ, Могилевѣ губ., Ригѣ, Томскѣ, Костромѣ, Ельцѣ, Каменецѣ, Под., Новгородѣ (гдѣ держалъ самъ антрепризу) и послѣдніе два года опять въ Каменцѣ, гдѣ состоитъ режиссеромъ и уполномоченнымъ въ антрепризѣ Н. Е. Кожевниковой. Въ качествѣ режиссера и актера А. І. участвовалъ въ 2-хъ большихъ поѣздкахъ въ 1895 г. съ Г. Н. Оедотовой и въ 1902 съ Ф. П. Горевымъ. За 30 лѣтъ работы въ провинціи А. І. переигралъ весь репертуаръ комиковъ и характерныхъ ролей.

А. І. пользуется большой популярностью и довѣріемъ товарищей. Онъ былъ избираемъ представителемъ отъ труппы, въ которыхъ служилъ, во всѣ комиссіи театральнаго О-ва, начиная съ 1897 г., гдѣ былъ очень полезенъ своею опытностью и знаніемъ нуждъ провинціальныхъ театровъ.

Минскъ. (Отъ нашего корреспондента.) „Ивановымъ“, извѣстной чеховской драмой, открылись 26-го декабря спектакли драматической труппы Е. А. Бѣляева. „Ивановъ“ далъ 500 рублей, собравъ почти полный театръ. Дальше шли, при сравнительно меньшихъ сборахъ, „Генеральша Матрена“, „Цѣна жизни“, „Любовь“, „Массоны“, „Безъ вины виноваты“, „Непогребенные“.

Репертуаръ предстоящей недѣли довольно разнообразный; среди прочихъ пьесъ предполагается поставить „Бѣлую кость“ Шолома Аша, „Анфису“ Андреева, а также „Сатану“ Гордина.

30-лѣтіе со дня первой постановки знаменитой пьесы Островскаго „Грозы“ было озаглавлено юбилейнымъ спектаклемъ, передъ началомъ котораго режиссеромъ труппы Я. А. Славскимъ прочитанъ былъ краткій, но болѣе или менѣе обстоятельный рефератъ; спектакль во всѣхъ отношеніяхъ прошелъ блестяще.

Силы труппы въ извѣстной степени успѣли опредѣлиться. Премьеръ труппы г-нъ Мичуринъ, г-жи Газли-Яновская, Трубецкая, Надинская, гг. Дробининъ, Оболенскій, Головановъ — таковы имена, которыя, повидимому, будутъ пользоваться наибольшими симпатіями.

Въ извѣстныхъ частяхъ, въ извѣстномъ смыслѣ труппу нынѣшняго сезона слѣдуетъ, пожалуй, назвать лучшей, нежели прошлогонная; зато въ другихъ отношеніяхъ она нѣсколько слабѣе. Не останавливаясь болѣе или менѣе подробно на этой сторонѣ, мы должны, однако, отмѣтить въ отношеніи женскаго персонала, что премьерша прошлаго сезона, съ большимъ успѣхомъ подвизающаяся въ Вильнѣ, талантливая артистка Е. С. Саранчева, не имѣетъ себѣ въ этомъ сезонѣ равносильной величины.

Въ общемъ же труппа по всѣмъ признакамъ будетъ, очевидно, пользоваться успѣхомъ.

М. Королицкій.

Одесса. Одной изъ интереснѣйшихъ постановокъ въ истекающемъ сезонѣ въ Гор. театрѣ безспорно является шекспировская „Бури“. Пьесу предполагаютъ поставить возможно грандіознѣе; будутъ заказаны всѣ новыя декораціи. Первое представленіе предполагается приблизительно 20 января.

М. Ф. Багровъ ведетъ переговоры о приглашеніи на будущей сезонъ извѣстной артистки Е. Н. Родино-Иисаровой.

Второе представленіе комедіи С. Юшкевича „Комедія брака“ прошла съ такимъ же выдающимся успѣхомъ, какъ и першо. Публика безпрерывно хохотала. Выдѣлялись и вызвали дружные аплодисменты г-жи Юренева и Мельникова и

гг. Степановъ и Кручининъ. Послѣ 2-го акта автора вызвали нѣсколько разъ. Публики было много.

Одесса. Въ залахъ Благороднаго собранія 11 января начался рядъ спектаклей театра „Би-ба-бо“, жанра петербургскаго „Кривого зеркала“. Спектакли составлялись изъ пьесъ веселаго жанра, пародій, имитаций и салонныхъ номеровъ. На-дняхъ предстоитъ постановка шаржа мѣстнаго журналиста Б. Д. Флита (незнакомаго) „Господа Одесситы“ и др. Въ новомъ театрѣ принимаютъ участіе артисты оперы, драмы и оперетты. Театру предсказываютъ успѣхъ.

Проскуровъ. (Отъ нашего корреспондента.) Наконецъ и мы дождались постоянной труппы въ лицѣ Товарищества украинскихъ артистовъ А. К. Сакаганскаго, которое открыло свои спектакли 26 декабря пьесой „Маруся Богуславка“. Затѣмъ прошли слѣдующія пьесы: „Панна Штукарка“ и „Сва-таня на вечерныхъ“, „Ночь подъ Ивана Купала“, „За двома зайцями“, „Ой, не ходи, Грицю, та на вечерниці“, „Пошились у дурни“, „Хмара“, „Безталанна“, „Степовый гисть“, „Зимовій вечеръ“ и „Запорожець за Дунаємъ“, „Наталка-Полтавка“, „Сорочинскій ярмарокъ“, „Богоотступница“ и „Кума Марта“. Силы труппы уже вполне выяснились. Наибольшими симпатіями у публики пользуются г-жи Васильховская, Добрикова и гг.: Зайченко, Позняченко и Петинъ.

г. Тверь. (Отъ нашего корреспондента.) Во время праздниковъ и передъ праздниками нашъ городъ подвергался нашествію всевозможныхъ труппъ и концертантовъ. Перебывали, кажется, всѣ знаменитости, и къ намъ перекочевали всѣ московскіе театралы, и никто изъ пріѣзжавшихъ не могъ пожеловаться на плохіе сборы. Наша голодная до зрѣлищъ публика оказала всѣмъ должное вниманіе. Передъ праздни-ками состоялись концерты скрипача Яна Кубелика, баритона Шенелева, баса Запорожца и др.

На праздникахъ былъ данъ при участіи, какъ значилось, артистовъ Императорскихъ Московскихъ театровъ Н. С. Таировой и Н. В. Панова. Была поставлена пьеса Л. Андреева „Аполонъ“. Сборъ большой былъ, игра вполне удовлетвори-

тельная, но пьеса публикѣ не понравилась. 27 декабря была поставлена пьеса „Идеальный мужъ“. Афиша объ этомъ спектаклѣ представляла изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ ребусъ для разрѣшенія публики.

Въ афишѣ значилось, что спектакль состоится при участіи извѣстныхъ московскихъ артистовъ г-жъ Л... С... П... Х... Ш... Роль миссъ Чивлей исп. г-жа Л.; леди Чильтернъ г-жа П... И вотъ для публики была задана загадка, кто укрывается подъ буквою Л..., ибо въ одномъ изъ московскихъ театровъ служатъ двѣ прекрасныя артистки съ фамиліей на букву Л... Заинтересованная этимъ публика явилась въ большомъ количествѣ на спектакль и была вознаграждена, получивъ истинное художественное наслажденіе игрой полног-ансабля артистовъ одного московскаго театра.

Оказывается, что нѣкоторымъ артистамъ играть въ провинціи можно, но только подъ инициалами!.. Изъ Петербурга же артисты тѣхъ же театровъ пріѣзжаютъ подъ своей фамиліей. Тѣ же артисты въ январѣ подъ инициалами—г-жи Л... П... Ш... К..., г-да П... Р... Л... В...—даютъ пьесу „Цѣна жизни“.

1 января состоялся спектакль артистовъ труппы Московскаго Художественнаго театра Н. М. Уралова, Грибункина и др. Поставлена—„Свои люди—сочтемся“. Тою же труппой на 10 января назначена пьеса „Дядя Ваня“.

Это, кажется, первый выѣздъ артистовъ Худ. театра въ провинцію.

За праздники, кромѣ того, были даны два благотворительныхъ вечера въ пользу петербургскихъ и московскихъ студентовъ, давшій каждый сбору свыше 1000 рублей.

Всѣ въ Тверь стремятся, срываютъ громадныя сборы, но до сего времени нашъ городъ почему-то считаютъ нетеатральнымъ?!

Тверякъ.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
И ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое
Средней слад.
Мало сладкое
Безъ сладости

ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC,
ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
ИРРУА-БРЮТЪ. — TRÈS SEC

IRROY

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА

1910
ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театральнѣй богато иллюстрированный журналъ

„РАМПА и ЖИЗНЬ“

подъ редакціей

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

НА

1910
ГОДЪ

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(словари сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO, съ портретами и шаржами And'ra, П. Мажютина, Д. Мельникова и друг. Самая широкая освѣжденность. ♡ Силки и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ♡ Эскизы для грима и декораций. ♡ Портреты сценич. дѣятелей. ♡ Спец. фотографія всѣхъ новпнокъ Художественнаго театра. ♡ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52

Большіе портреты (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно-европейскихъ театральнѣхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу—вдвое. Объявленія впередъ текста 75 коп., позади 50 коп. строка пята.

Главная контора журнала: Москва, Вронная, Вольш. Козиминскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. П. Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, П. О. Вольфа и др. ♡ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургъ—Невскій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ—кіоскъ Альтшюлера; въ Кіевѣ—книжн. маг. Л. Идзиковскаго; въ Саратовѣ—книжн. маг. Суворина; въ Твери—кіоскъ Коротѣева; въ Казани—у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елизаветградѣ—у Д. Завасяя; въ Пятигорскѣ—у А. П. Чайкина; въ Чернасахъ—у Х. Скловскаго; въ Смоленскѣ—книжн. маг. Добылина; въ Симбирскѣ—у Гладкова; въ Елизаветградѣ—книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ—газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ—театр. библ. Ваксера; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Акордъ“.

Въ Субботу 16-го января „ШЛЮКЪ и ЯУ“
17-го января утромъ спектакль по умен. цѣнамъ
„У ЦАРЕВНЫ ДИНЬ“
Сказ. въ 4-хъ д. съ прол. Н. Шкляръ. Муз. В. И. Саловникова.
вечеромъ „МЕЛКІЙ БѢСЪ“ др.
въ 5-ти д. и 6-ти карт. Федора Сологуба.
19 января „ЭРОСЪ и ПСИХЕЯ“. 21 января „НЮ“.
18, 20, 22 и 23 января „МЕЛКІЙ БѢСЪ“.

Готовится къ постановкѣ новая пьеса Л. Андреева „Аноиса“.
Нач. въ 8 ч. веч. Администраторъ С. И. Годзи.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „РАМПА И ЖИЗНЬ“

ВЫСЫЛАЕТЪ

Алчущій знаменія (*Гласъ Божій*),
др. въ 3 д., пер. съ нѣмецк Ц. 2 р. Арсенъ
Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ, пьеса въ
5 д. и 7 к. пер. съ фр. Ц. 2 р. Брачная
ловушка, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Бѣлые во-
роны (*Хищники*), пьеса въ 5 д. А. Вер-
шинина. Ц. 2 р. Вожди, эпизоды въ 5 д.
ки. Сумбатовъ. Ц. 2 р. Гордость города,
ком. въ 5 д. Г. Вида. Ц. 2 р. За стары
грѣхъ (*Подозрительный*), пьеса въ 4 д.,
пер. съ нѣмец. Ц. 2 р. Золотая свобода,
ком. въ 3 д., пер. Громаковской. Ц. 2 р.
Израиль, пьеса въ 3 д. Бернштейна. Ц.
2 р. Клятва гроба, др. въ 4 д. Лисенко-
Конычъ. Ц. 2 р. Король воровъ (*По-
сѣбди. приключ. Шерлока Холмса*), пьеса
въ 5 д. П. де-Курсель. Ц. 2 р. Ничтожная
женщина, пьеса въ 4 д. О. Уайльда. Ц. 2 р.
Оксана Зозуля, ком. въ 3 д. Федоро-
вича. Ц. 2 р. Обрывъ, др. въ 5 д. по
ром. Гончарова. Ц. 2 р. Освобожден-
ные рабы, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Ровно
въ полночь, фарсъ въ 3 д. Сабурова.
Ц. 2 р. Очагъ, пьеса въ 3 д. Ок. Мирбо
Ц. 2 р. Сторожевые огни, ком. въ 4 д.
С. Разумовскаго. Ц. 1 р. Сыскныхъ дѣлъ
мастеръ, фарсъ въ 3 д. Горста и Норини.
Ц. 2 р. Приключенія Арсена Люпена,
пьеса въ 4 д. Ц. 2 р. Поди сюда, ком.
въ 3 д. Тестони. Ц. 2 р. Попечитель
благородныхъ дѣвицъ, фарсъ въ 3 д.
Сабурова. Ц. 2 р. Поцѣлуй луды, пьеса
въ 4 д. С. Бѣлой. Ц. 2 р. Фигурный ли-
стокъ, фарсъ въ 3 д. Ц. 2 р. Чортъ (*Дья-
волъ*), ком. въ 3 д. Моль нара. Ц. 2 р.
Шалости молодоженовъ, фарсъ въ 3 д.
Сабурова. Ц. 2 р. Шестая держава
(*Газетный міръ*), пьеса въ 3 д. Ж. Тур-
нера. Ц. 2 р. Шуты, ком. въ 4 д. Заме-
конса, пер. Lolo. Ц. 1 р. Крошка Дорритъ,
ком. въ 3 д. Ор. Шентана, пер. Э. Э. Ма-
терна. Ц. 60 к. Клубъ самоубійцъ, пьеса
въ 2 карт. А. Дюпюля, пер. Э. Матерна.
Ц. 75 к. Семь вороновъ, волш. сказка
въ 4 д. съ нѣмец. М. В. Шевлякова (для
утр. спек.). Шалости, ком. шутка въ 4 д.
(для дѣтск. утр. спектаклей).

На аккуратность высылки пьесъ
обращено особое вниманіе.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА
Серг. Мамонтовъ.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Африка, Война, Хо-
лера, Турція и др.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ
Цѣна 1 р. 50 к.

Печатается сборникъ того же автора
Пять пьесъ.

Для дѣтскихъ и утрен-
нихъ спектаклей.

ШАЛОСТИ ПАЖА

комедія-шутка въ 4 дѣйств.
(Женскихъ ролей — 3, муж-
скихъ — 4).

ПОСТАНОВКА ПРОСТАЯ.
Получать можно въ конторѣ
„РАМПЫ И ЖИЗНИ“.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ

профессора А. А. ИЛЬИНСКАГО,

МОСКВА, Тверской бульваръ, домъ Яголковскаго, № 60.

Въ числѣ преподавателей состоятъ: а) по МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛЕНІЮ: про-
фессора московской консерваторіи: А. А. Ильинскій (форт., теор.), А. И.
Галли (форт.), А. И. Варцалъ (оперн. кл.), Н. М. Ладухинъ (сопрано), Н. Н.
Соколовскій (алек. теор., гарм.), А. Е. Мартыновъ (контраб.); б) артистка Имп.
театр. В. А. Эберле-Мамонтова (пѣніе), проф. С. В. Гилевъ (пѣніе), артисты
Имп. театр. Ф. В. Гробе и М. Р. Семашко (скрипка, виолонч.), Н. П. Веретен-
никова (форт.) и др.; в) по ДРАМАТИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ: режиссеръ и ар-
тистъ Имп. Малаго театра С. В. Айдаровъ, артистки Имп. Малаго театра
О. В. Гзовская и Е. Д. Турчанинова (дикція, деклам., мелодеклам. и практика
сцен. искусства), проф. моск. унив. Г. А. Кожевниковъ (автоміи и физиоло-
гія), приватъ-доцентъ моск. унив. С. К. Шамбляговъ (русская литература и
исторія драмы и театра), В. А. Михайловскій (исторія Малаго театра) и С.
С. Апушкинъ (фехтов.). Приемъ вновь поступающихъ продолжается.
Канцелярія открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 4 час. дня.

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

Ежедневно романсы Н. В. Плевицкой.

Готовится къ постановкѣ

„Веселое путешествіе“

Оперетта въ 3-хъ дѣйств. Эккерта.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

Пьесы-сказки Н. Г. Шкляра

- 1) У Царевны-Динь, въ 4 дѣйств. съ прологомъ (идеть въ театрѣ Незлобина).
- 2) Домикъ-Крошка въ два окошка, въ 5 дѣйств. (шла въ Большомъ Императорскомъ театрѣ).
- 3) Невѣдомое царство, въ 3 дѣйствія и 7 карт. (шла въ театрѣ Корша).

Имѣются въ продажѣ въ театр. библиотекѣ Раз охна.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.

Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТЫ агентства назовъ: Мясницкая, д. Митюшевой. Борлинскій пичеб. магаз., тел. 89-63;
Больш. Полянка, д. Форрейтъ, магаз. Кулакова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 62, аптекарск.
магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., уг. Грузинской ул. магаз. Каледкина, тел. 157-40;
Танганка, д. Чижова, магаз. Блохъ. Продажа билетовъ въ театры: Зимина, Корша, Незлобина,
Театръ Лебедева и др.